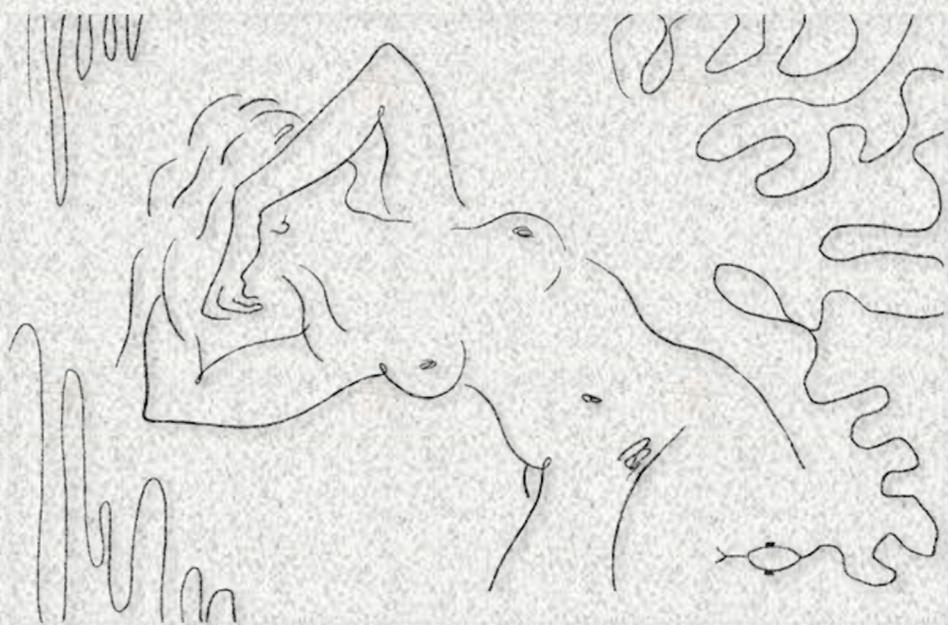
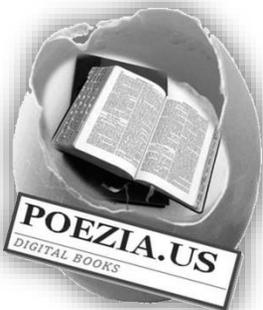

МАКСИМ ЖУКОВ

ЛЮБИТЬ ИНЫХ

СЕРИЯ: 135 СТИХОТВОРЕНИЙ

МАКСИМ ЖУКОВ

ЛЮБИТЬ ИНЫХ

135 стихотворений

POEZIA.US

CHICAGO

2025

Жуков, Максим. Любить иных.

Эта книга одного из самых больших поэтов русского постмодернизма интересна тем, что автор предоставил на суд читателя 135 избранных своих стихотворений.

Почему сто тридцать пять? Это загадочное и в чем-то мистическое число выбрано благодаря его свойствам: сумма чисел этого числа, помноженная на их произведение, дает в итоге само число. Такого рода числа называются в математике числами Харшада. А еще $135 = 1^1 + 3^2 + 5^3$. Удивительно, не правда ли?

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

RUSSIAN EDITION

To Love Others

(A book of poetry in Russian) Authored by Maxim Zhukov
7.25" x 9.5" (19.05 x 23.5 cm) Black & White on White paper
252 pages

©Copyright 2025 by POEZIA.US, Chicago, USA
All rights reserved.
Poems ©2025 by Maxim Zhukov

ISBN: 978-1-7348742-9-7

Посвящается Диане Балашовой

Баллада

Когда с откляченной губой, черней, чем уголь и сурьма,
С москвичкой стройной молодой заходит негр в синема,
И покупает ей попкорн, и нежно за руку берёт,
Я, как сторонник строгих норм, не одобряю... это вот.

И грусть, похожая на боль, моих касается основ,
И словно паспортный контроль (обогащающий ментов) –
Меня – МЕНЯ!!! – в моем дому – тоска берёт за удила,
Чтоб я в дверях спросил жену: «Ты паспорт, милая, взяла»?

Да, русский корень наш ослаб; когда по улицам брожу,
Я вижу тут и там – хиджаб, лет через десять паранджу
На фоне древнего Кремля, у дорогих великих стен,
Скорей всего, увижу я. И разрыдаюсь... как нацмен.

Нас были тьмы. Осталась – тьма. В которой мы – уже не мы...
Мне хочется сойти с ума, когда домой из синемы
Шагает черный силуэт, москвичку под руку ведя;
Как говорил один поэт: «Такая вышла з а п и н д я,

Что запятой не заменить!» И сокращая текст на треть:

.....
Москвичку хочется убить! А негра взять да пожалеть.

Как он намучается с ней; какого лиха хватит и
В горниле расовых страстей, бесплодных споров посреди,
Среди скинхедов и опричь; средь понуканий бесперечь;
Он будет жить, как черный сыч и слушать нашу злую речь.

К чему? Зачем? Какой ценой – преодоленного дерьма?
Мой негр с беременной женой, белей, чем русская зима,
Поставив накануне штамп в цветастом паспорте своем,
Поймет, что значит слово «вамп», но будет поздно, и потом,

Дожив до старческих седин, осилив тысячи проблем,
Не осознав первопричин, он ласты склеит, прежде чем –
Не фунт изюму в нифелях, – как на духу, как по канве,
Напишет правнук на полях: «Я помню чудное мгнове...»

2008

Курортный роман(с)

Прощается с девочкой мальчик, она, если любит – поймёт.
Играя огнями, вокзальчик отправки курьерского ждёт.
Чем ветер из Турции круче, тем толще у берега лёд.
Кольцо Соломоново учит, что всё это – тоже пройдёт.

Но евпаторийский, не свитский, под вечнозеленой звездой
Мерцает залив Каламитский холодной и темной водой.
И чтобы сродниться с эпохой, твержу, как в бреду, как во сне:
Мне похую, похую, похуй! И всё же, не похую мне...

Не ведая как, по-каковски я здесь говорю вкось и вкривь,
Но мне отпускает в киоске, похожая на Суламифь
Скучающая продавщица – помятый стаканчик, вино...
И что ещё может случиться, когда всё случилось давно?..

Вполне предсказуем финальчик, и вряд ли назад прилетит
Простившийся с девочкой мальчик. Она никогда не простит –
Пойдёт целоваться «со всяким», вокзал обходя стороной,
На пирс, где заржавленный бакен качает в волнах головой.

Где яхта с огнем на бушприте встречает гостей под «шансон».
Над городом тёмным – смотрите! – наполнилось небо свинцом.
И волны блестят нержавеющей, когда забегают под лёд,
И чайка печальной еврейкой по кромке прибора бредёт.

И весь в угасающих бликах, как некогда Русью Мамай,
Идёт, спотыкаясь на стыках, татаро-монгольский трамвай.
Он в сварочных швах многолетних и в краске, облезшей на треть.
Он в парк убывает, последний... И мне на него не успеть.

И путь рассчитав до минуты, составив решительный план,
«По самое некуда» вдутый, домой семенит наркоман;
В значении равновеликом – мы схожи, как выдох и вдох:
Я, в сеть выходящий под ником и жаждущий смены эпох (!),

И он – переполненный мукой и болью, испытанной им, –
Как я, притворяется сухой, но выбрал другой псевдоним.
И всё это: девочка, мальчик, и я с наркоманом во тьме,
И пирс, и заснувший вокзальчик, и всё, что не похую мне –

Скользя, как по лезвию бритвы, и перемещаясь впотьмах,
Как минимум – стоит молитвы, с которою мы на устах
Тревожим порой Богоматерь под утро, когда синева
Над морем, как грязная скатерть, и в воздухе вязнут слова.

Пусть видит прибрежную сизость и морось на грешном лице.
И пусть это будет – как низость! Как страшная низость – в конце.

2010

Вода

Собирался в Крыму умирать.
Но, похоже, ещё поживу;
Петербургу скажу: «Исполать!»
Упрекну в равнодушие Москву, –
Без которой, казалось, ни дня...
И хотелось бы там, а не тут...
Но вода не отпустит меня –
Та, что местные морем зовут.

Да, она не отпустит, когда
Можно плавать и даже зимой;
Потому что морская вода,
Словно кровь, неразрывна со мной.
Ни Нева, ни Москва-река, – не
Причиняя щемящую боль, –
Не текут через сердце во мне,
Как течёт черноморская соль.

И пускай угрожают бедой
Всем свидетелям Крымской Весны, –
Мы оправданы этой водой
И водой этой – защищены.
И, способная взять да убить,
Если вдруг заиграешься с ней,
Оттого-то она, может быть,
Даже околуплодной важней.

2021

***

Голос, словно в церкви, просветлённый,
Затянул под окнами куплет:
«Голуби летят над нашей зоной,
Голубям нигде преграды нет».

Под благоухание черёмух
Не звучит гитарный перезвон;
Во дворе на лавочках укромных
Заиграет разве что смартфон.

То ли это времени апоноэ,
Перед тем как перейти на бег,
То ли всё пацанское, блатное
Изживает XXI век.

Превратились в бабушек, дедусей
Все мочалки наши и кенты.
Благорастворение воздушей
Перед наступленьем темноты.

За окном уснула спортплощадка,
Вместо муравы – Canada Green.
Из подъезда, будто бы с устатка,
Выхожу, как Лермонтов, – один.

На меня наставлен сумрак ночи;
Прислонясь к дверному косяку,
Размышляю, как бы покороче
Подойти к ближайшему ларьку,

Где я тусовался с разной пьянью
Где сидел и думал, как в огне, –
Заливая голову баранью, –
Что скачу на розовом коне.

Воздух, как в невидимых пираньях,
Весь в новорождённых комарах.
Я теперь скупее стал в желаньях,
Только не за совесть, а за страх.

В забубённой жизни и отпетой
Как я не пропал – наверняка?
Не пойду!.. Ведь знаю: в стороне той
Нет давным-давно того ларька.

2018

***

А был ли мир – как май и труд?
Афганистан – тот был, вестимо.
Меня туда не призовут,
И значит, смерть проходит мимо.

Потом нас начали кидать
С какой-то силой ахуенской,
Но Бог не дал мне повидать
Ни Первой, ни Второй чеченской.

Не помню дней. Не помню дат,
Как будто после расколбаса.
Я нынче слишком бздиловат,
Чтоб стать защитником Донбасса.

Не помню дат. Не помню дней
В обыкновеньи распиздяйском, –
Котлов не помню и огней
Под Горловкой и Иловайском.

Ну что с того, что кто-то look
С позиций сделал в Дейр-эз-Зоре?
Там тоже наши... видишь, друг:
Повсюду мы! И наше горе.

Да, мира нет. И ратный труд
Тем тяжелей, чем ближе к маю.
Когда на смерть идут – поют.
Так говорят. Я сам – не знаю.

2018

Ой ты гой еси

Ой ты гой еси, русофилочка, за столом сидишь, как побитая;
В огурец вошла криво вилочка, брага пенная – блядовитая
Сарафан цветной весь изгваздала; подсластив рассол Пепси-колою,
Женихам своим ты отказ дала, к сватам вышедши с жопой голою.

Затянув кушак, закатав рукав, как баран боднув сдуру ярочку,
Три «дорожки» враз с кулака убрав, с покемонами скушав «марочку», –
То ли молишься, то ли злобствуешь среди гомона полупьяного, –
Ой ты гой еси, юдофобствуешь – по старинке и/или заново.

А сестра твоя (нынче бывшая!) в НАТО грозное слезно просится.
Ты в раскладе сём – вечно-лишняя, миротворица, богоносица.
Вся на улицы злоба выльется, в центре города разукрашенном –
Гости зарятся, стройка ширится, и талиб сидит в кране башенном.

В лентах блогеры пишут набело о Святой Руси речи куцые;
Ты б пожгла ещё, ты б пограбила – жалко кончилась РЕВОЛЮЦИЯ.
Извини, мин херц, danke schön, камрад, не собратья нам больше с силами,
Где цветы цвели – ковыли торчат, поебень-трава над могилами.

Прикури косяк, накати стакан, изойди тоской приворотною,
Нам с тобою жить поперек дехкан, словно Вечный Жид с чёрной сотнею;
Отворив сезам, обойдя посты, заметая след по фарватеру:
– Баяртай, кампан! Вот и все понты, — как сказал Чучхе Сухе-Батору.

Так забей на всё, не гони волну, не гуляй селом в неприкаянных...
Обними коня, напои жену, перекрой трубу на окраинах,
Чтобы знали все, чтоб и стар, и млад, перебрались в рай, как по досточке;
Чтобы реял стяг и звенел булат, и каблук давил вражьи косточки.

2007–2022

Колыбельная для Оксаны

На пределе звука, в ангельском строю,
Ты послушай, сука, песенку мою.

К образам не липнем, славу не поём;
Мы нальём и выпьем. И еще нальём.

В Вере мы ослабли; Отче, укрепи!
Спи, бля! Крибле-крабле...Слышишь?
Всё, бля... спи.

Ничего не будет: к стенке, на бочок...
Пусть тебя разбудит серенький волчок;

Прежняя обида – яровая рожь;
Пусть он будет, гнида, чудо как хорош!

Самопроизвольно: когти – цок-цок-цок;
Схватит он не больно детку за бочок –

Был хороший почерк в школе у неё;
Синенький платочек – не хуё-моё...

...Ничего не знаю; не о том пою.
Баю-баю-баю, баюшки – баю.

Говорила мама (как Полишинель):
«Девочка Оксана вышла на панель.

Сколько стоит пачка? Хватит ста рублей?»
Мать моя – казачка, не поспоришь с ней!

У афганской дури – подмосковный вкус.
Снуре, базелюре, крибле-крабле – бумс!

Ни свобод, ни тюрем мы не воспоём;
Мы забьём – покурим. И опять забьём.

Вот такая штука, будто на войне;
На пределе звука не пытайся, не...

...Синенький платочек. Было. Не срослось...
Восемнадцать «точек» – явный передоз.

Много или мало, в ангельском строю,
Как тебя не стало, всё пою, пою...

А о чем не знаю; Отче, укрепи!
Баю-баю-баю. Спи спокойно...
Спи.

2009

Патриотический роман(с)

Почти ничего не осталось от той, что любила меня,
Быть может, лишь самая малость, какая-то, в общем, фигня;
Ничтожная жалкая доля от чувств, что питала она:
Навязчивый вкус алкоголя, рельеф обнажённого дна.

Мы зря перед Смертью трепещем, напрасно о близких скорбим;
Внизу, среди впадин и трещин, во тьме отступивших глубин,
Доверчиво, просто, по-детски сказала, прощаясь, она:
«Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна».

Я век коротал в бессознанке, но чуял, как гад, каждый ход.
Прощание пьяной славянки запомнил, не зная нот.
На смену большому запою, приходит последний запой (?);
А мы остаёмся с тобою, а мы остаёмся с тобой,

На самых тяжёлых работах во имя Крутого Бабла
Я век проходил в идиотах; ты медленно рядышком шла.
Меня своё на чужое, чужое опять на своё,
Мы вышли вдвоём из запоя... Почти не осталось её.

Щекой прижимаясь к отчизне, в себе проклиная раба,
Мы жили при социализме, а это такая судьба,
Когда ежедневную лажу гурьбой повсеместно творят...
И делают то, что прикажут, и действуют так, как велят.

Летят перелётные птицы по небу во множество стран,
Но мы не привыкли стремиться за ними... ты помнишь, как нам
Не часто решать дозволялось в какие лететь ебенья?
Почти ничего не осталось от той, что любила меня.

Все трещины, впадины, ямки – рельеф обнажённого дна;
Прощание пьяной славянки, родная моя сторона;
Простые, но важные вещи – как воздух, как гемоглобин.
Мы зря перед Смертью трепещем, напрасно о близких скорбим.

Где рухнула первооснова, там нет никого, ничего:
Мы не полюбили чужого, но отдали часть своего.
Уверенно, гордо, красиво – не знаю, какого рожна:
«Таков нарратив позитива», – сказала, прощаясь, она.

Быть может, лишь самая малость, – и кончится это кино:
Унылый столичный артхаус, типичное, в общем, говно,
Но нам от него не укрыться в осенней дали голубой,
Летят перелётные птицы, а мы остаёмся с тобой.

2010

***

Страдал одним, а умер от другого
Средь медсестёр, напоминавших бикс.
Вначале, может быть, и было Слово,
Но в тишине пересекают Стикс.

Конечно, потрясение и горе,
Но если чистой правды не скрывать, –
Когда пришли прощаться в крематорий,
Над гробом было нечего сказать.

Любил, бухал, да так, что чуть однажды
Не сел в тюрьму... опять: любил, бухал.
Писал стишки, но без духовной жажды,
А значит, зря и плохо их писал.

Над гробом только те, кто знали лично,
Собрались, чтобы головы склонить,
Всего пять человек – симптоматично –
Хотя, чего теперь судить-рядить.

С цветов снимали долго упаковку,
Но места мало заняли цветы...
И потому всем сделалось неловко,
Когда сажали крышку на болты.

Перед закрытой этой домовиной,
Пред тем как гроб опустится в подвал,
Немыслимый и несопоставимый –
Я наш союз в деталях вспоминал.

Как мы гуляли ночи до рассвета,
Как бабами менялись невзначай...
Он подарил мне как-то томик Фета
И надписал: «Читай и не скучай».

Он спорил о стихах со мной упрямо,
Вооруженный зреньем узких ос.
Но Фет не доставлял, а Мандельштама
В ту пору мне прочесть не довелось.

Я даже не врубился, как сумел он,
И не заметил даже – ну и ну! –
Как он легко и как бы между делом,
Увёл мою законную жену.

Страдал одним, а умер от другого, –
Не вынес скачки бешеной Пегас.
Вначале – я уверен – было Слово,
Но это Слово было не о нас.

Он прожил жизнь легко и контркультурно,
Местами жмот, местами вертопрах.
Ещё чуть-чуть и дальше – только урна,
С каким-нибудь: «Покойся, милый прах...»

Мы за ворота выбрались сутуло,
Но кто-то оглянулся, посмотрел, –
Как будто сталью сердце полоснуло:
Там человек сгорел.

2018

***

Может, дела нет важней на свете,
Чем писать – открыто, не темня?
Я сижу часами в интернете.
Друг мой милый, видишь ли меня?

Этот мир стихами не улучшив,
Всё пишу, – пишу, как заводной.
Так писал когда-то Фёдор Тютчев.
Друг мой милый, видишь, что со мной? –

Не живописать, как неуклюже
Мы расстались на исходе дня.
Пишут все. Но пишут много хуже –
Даже и не Тютчева – меня!

Под звездой, что говорит с звездой,
Как благоухал весенний сад!
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Милый друг – его не описать!

Я курил и Беломор, и Данхилл,
Я хлестал и брагу, и коньяк.
В этом мире без тебя, мой ангел,
Я совсем один – ну как же так?!

Мы без слов друг друга понимали,
Стали даже больше, чем родня:
Мы с тобою вместе завязали.
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Говорят, материя не может
На земле сама себя избыть:
Невозможно что-то уничтожить, —
Можно только видоизменить.

Потому всегда в начале мая,
Тёмной ночью или ясным днём,
Я смотрю на небо, понимая,
Что едва ли свидимся на нём.

2021

***

Закат в Киммерии. Над городом пыль.
Скрывая похмельную робость,
Сойди на платформу, себя пересиль
И сядь на вокзале в автобус.

За окнами переместятся дома,
И перекупавшийся в море
Курортник, от скуки сошедший с ума,
Пройдет через двор в санаторий.

И свет на домах, как пришедший извне,
Как будто описанный в сказках, –
Блуждает огонь в голубой вышине
Среди переулков татарских.

И пригород тот, что являлся во снах,
Покуда ты значился в списках,
Мелькнет за окном, исчезая впотьмах
В пологих холмах киммерийских.

Отсюда твоя начинается быль:
Ни чести, ни славы, ни денег;
Лишь ходит по степи волнами ковыль –
Устойчивый крымский эндемик.

Как будто с Отчизной не порвана связь
И только с годами крепчает...
И та, что тебя так и не дождалась,
Стоит на перроне, встречает.

Как будто бы ты не погиб на войне,
А вышел, как все горожане,
На свет, где огонь разгребают во тьме
Татарские дети ножами.

2011

Кладбищенская элегия

Как при входе в Новодевичье
Повстречались два кота, –
Словно в песнях Макаревича, –
Хуета и маета.

Чтоб помериться силёнками,
Повстречались те коты,
Где качают головёнками
Над могилами цветы.

Осень светлая, воздушная,
Как во сне или в мечтах,
Словно вера простодушная
В мир, стоящий на котах.

У последней тихой пристани,
Друг за другом в аккурат,
Либералы с коммунистами
Меж дворянами лежат.

Кто голубенький, кто аленький –
Всё равно – среди могил
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Скоро снег повалит хлопьями,
Но пока ещё – легки –
Меж крестами и надгробьями
Доцветают ноготки.

2015

***

Мой кот не знает, что умрёт.
А я – не знаю – как...

И лес умрёт. Не так, как кот,
А как-то так – хуяк! –
И нет ни елей, ни осин,
Не станет ничего.

Мой кот глядит, как будто сын,
Родное существо.

А лес стоит, поджав живот,
Не чувствуя, стоит, –
Что всё сгорит, что не сгниёт,
Что не сгниёт – сгорит.

Я жил когда-то без кота
И убедился в том,
Что без кота и жизнь не та,
Не то что жизнь с котом.

А лес встречает первый снег,
Дрожа березняком,
Где потерялся человек
С веревкой и мешком.

Он шёл и всё вперёд глядел,
И всё глядел вперёд...
Но отношенья не имел
Ни я к нему, ни кот.

Мой кот глядит, как будто сын,
На мир и на людей,
Как сорок тысяч верных псин
И добрых лошадей,
И он не знает, что умрёт.
А я – не знаю – как.

И кто кого переживёт,
Не ведаю. Вот так.

2016

***

Заболев, я думал о коте, –
С кем он будет, ежели умру?
О его кошачьей доброте,
Красоте и прочую муру

Думал я и спрашивал: ну вот,
В душной предрассветной тишине
Так же, как ко мне подходит кот, –
Подойдут ли ангелы ко мне?

И пока расплавленный чугунок,
Застывая, сдавливая грудь,
Будь бобтейл он или же мейн-кун,
Без проблем забрал бы кто-нибудь.

Вьюгой завывает месяц март,
Провожая зимушку-зиму,
В подворотне найденный бастард,
Нужен ли окажется кому?

Если доживу до декабря,
Буду делать выводы зимой:
Те ли повстречались мне друзья?
Те ли были женщины со мной?

Никого ни в чём не обвиню.
И, когда обрадованный кот
На кровать запрыгнет, – прогоню:
Он не гордый, он ещё придёт.

Без обид на свете не прожить,
Но, когда настанет мой черёд,
Сможет ли Господь меня простить
Так же, как меня прощает кот?

2017

***

Тот человек, что подобрал котёнка,
Когда за гаражами падал снег,
Натурой был возвышенной и тонкой
И сложный был, по сути, человек.
Вились снежинки, медленно паря,
В люминесцентном свете фонаря.

Из-под ворот – ободранный, subtilный –
Котенок к человеку подошёл
И назван был со временем Матильдой,
Когда его определили пол.
Живя с людьми, мяукающий звонко
Всегда получит миску молока, –
Не знаю, как отсутствие ребёнка,
Но друга заместит наверняка.
Любил людей, но был с причудой зверь:
Сбегал в подъезд, лишь приоткроют дверь.

Тот человек в большом был да и в малом
Одновременно – жертва и злодей;
Считал себя, конечно, либералом
И не любил – как следствие – людей.
– Мы как в плену! Бессмысленно геройство!
За нами не пойдёт на брата брат!
Свои тираноборческие свойства
Утратил основной электорат...
Так думал он, блуждая по кустам,
Когда искал Матильду тут и там.

Но жить рабом, каким-то унтерменшем –
В родной стране! – он будет оттого,
Что полюбил одну из русских женщин –
Ту, что на днях оставила его.
– Она ушла! Скажите-ка на милость!
Таким вот, как она, благодаря,
Тут со страной любви не получилось!..
Так думал он, страдая втихаря,
Среди дворов, на каждом повороте
Топчась и подзывая: «Мотя! Мотя!»

Не слишком полагаясь на возможность
Возврата либеральных конъюнктур,
Он материл возвышенность и сложность
Своей наитончайшей из натур.
На старый – весь затоптанный, помятый –
За гаражами выпал новый снег.
– Мы как в плену! Повсюду ебанаты!
Так думал тот несчастный человек,
Себя пытаясь честно обмануть,
Что, может, всё получится вернуть.

Но был момент, когда ему приснилось,
Что с женщиной возобновилась связь;
И со страной любовь восстановилась;
Вернулось всё... Матильда не нашлась.

2017

***

Гори оно все синим п. Кругами по воде.
И с ударением на стопе, и с рифмою на «где».
Блажен, кто посетил сей мир (и кто не посетил),
В толпе онлайнowych задир и сетевых мудил;
Невозмутимый, как Геракл, взошедший на Олимп,
Я Музам глажу симулякр и поправляю нимб.

Ты помнишь, был советский герб, и там – хоть жни, хоть куй –
На нем и молот был, и серп, а получился... (хлеб);
Я не о том сейчас пою и говорю не то...
Да постучится в дверью мою: конь-в-кожаном-пальто,
Чтоб в отдаленных временах свершилась смена-вех мена всех;
Но если здесь я послан нах, то там мне делать нех.

Нас носит русская земля с трудом... за годом год,
Шахтер дает стране угля... Соседка не дает...
Как ни осваивай Парнас, ни разрешай проблем,
Среди услуг у Муз для нас – сплошной BDSM.

Да поцелуют нам Ж(Ж) былые корешки...
Проснись, за окнами уже платформа «Вешняки»!
За ней раздолбанная гладь гольяновских куртин;
Нам не дано предугадать... да мы и не хотим.

Мой друг, у бездны на краю, ты морду не криви;
Да постучится в дверь твою: давалка-по-любви.
Ничто не вечно под луной. И плачущий во сне –
Потомок ~~нерождённый~~ нерадивый мой, над вымыслами не...
И как себя не подноси в рождественской фольге,
Одной ногой на небеси, другой ногою в г.,
Мы вознесем косяком, запутывая след,
На individualki.com, где pidarasov.net

2008

Море

Хочется плюнуть в море.
В то, что меня ласкало.
Не потому, что горе
Скулы свело, как скалы.
А потому, что рифма –
Кум королю и принцу.
Если грести активно,
Можно подплыть к эсминцу
Или к подводной лодке,
Буде они на рейде.
Можно сказать красотке:
«Поговорим о Фрейде?» –
Если она на пляже
Ляжет к тебе поближе.
Море без шторма гаже
Лужи навозной жижи.

Шторм – это шелест пены,
Пробки, щепы, окурки,
В волнах плывут сирены,
Лезут в прибой придурки.
Мысли в мозгу нечётки,
Солнце стоит в зените,
Даже бутылку водки
В море не охладите.

Кожа в кавернах линьки.
На телеграфной феньке
По телеграммной синьке:
«**М**амочка,
Вышли
Деньги».

Между пивной направо
И шашлыком налево
Можно засечь сопрано
Глупого перепева
Или эстрадной дивы,
Или же местной леди,
Словно и впереди вы
Слышите то, что сзади.

Роясь в душевном соре,
Словно в давнишних сплетнях,
Даже когда не в ссоре
С той, что не из последних,
Сам за себя в ответе
Перед людьми и богом,
Думаешь о билете,
Поезде и о многом,
Связанном в мыслях с домом, –
Как о постельном чистом.
В горле не горе комом –
Волны встают со свистом.

Море. Простор прибоя.
В небе сиротство тучки.
Нас здесь с тобою двое.
Мне здесь с тобой не лучше.

1991

***

Степь, бесконечная, как смерть. Живи в степи!
Учись на суржике трындеть, страдай, копи:
За каждый нажитый пятак – расплаты пуд.
От Евпатории до Сак один маршрут.

В кафе, в тарелке на столе – кальмар зачах.
Ты одинок на сей земле на всех путях.
Коньяк, раздавленный, как клоп – неконгруэнт...
Тоска – как неременный троп. И Крым – как бренд.

И по дороге в Черноморск, под шорох шин,
В наушниках играет «Doors»: то «Doors», то «Queen».
И если есть на свете Крым, то он – иной,
Где мне явился серафим и вырвал мой...

2009

***

Чужие – толкуются в передней,
Рыдают на кухне – свои.
Она умирает последней
Без Веры пожив и Любви.
Одна умирает, другая!
Туда, где места их пусты,
Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы.

Когда на поминках на славу
Невестка хлебнёт и свекровь,
Затянут в слезах Окуджаву
Про Веру, Надежду, Любовь.
И пусть не на век, а на годы
Все точки расставят над «ё»,
Но истолкованье Свободы
У каждого будет своё.

По тёмным бредя коридорам,
Мы чувствуем внутренний свет!
Как жаль, что с тоской и укором
Напишет в изгнанье поэт:
«Какие прекрасные лица
И как безнадёжно бледны –
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны».

2020

***

Помнишь, умер тамагочи?
Хоронили мы его;
Как растёт тревога к ночи
И обида за него.

Азиатская игрушка,
Но досадно, всё равно.
Выпьем с горя; где же кружка?
Тихо, холодно, темно.

В ярком корпусе красивом –
Никогда не позабыть
Как он плакал, как просил он
Перед самой смертью пить.

Снег на крыше, рубероид.
Словно в пушкинских стихах,
Буря мглою небо кроет.
Мы на даче. Мы в гостях.

Прошлый раз, когда здесь были,
Без хозяев, в феврале,
Тамагочи мы забыли
На обеденном столе.

Ты сняла его с цепочки:
«Подожди, – сказала – брат».
Мы пришли полить цветочки
(Так обычно говорят).

Обнаружив, пешкодралом
Возвратились с полпути;
Но потом, как захворал он,
Не смогли его спасти.

В эротическом азарте
Не к тому стремились, не к...
В феврале. А позже, в марте,
Мы его зарыли в снег.

И, случившимся подавлен,
Я спросить тебя хотел:
Потому что был оставлен,
Может, он и заболел?

С той поры у нас, короче,
Тоже что-то не того...
Помнишь, умер тамагочи,
Как мы будем без него?

2019

***

Что получаем в остатке неразделённой любви? –
Дачный посёлок? – в порядке! – прочно стоит на крови.
Осени купол воздушный? – красные листья – ковром.
СССР простодушный мы никогда не вернём.
Нет – говорю – и не надо! Хватит того, что стою
Средь подмосковного сада в легкодоступном раю.

Как над «Поленницей» Фроста Бродский всерьёз рассуждал,
Так над поленницей просто – я бы стоял и стоял.
Думал бы, чувствовал, видел; вспомнил бы всё, что забыл:
Женщин, которых обидел; женщин, которых любил;
С кем оставлял без пригляда запертый на зиму дом;
Нет – говорил – и не надо, как-нибудь переживём.

Дачный посёлок в порядке; и за домами, вдали,
Тянутся чёрные грядки преданной нами земли.
Наша кривая дорожка стала ничьей у ручья,
Смотрит с поленницы кошка, тоже до лета ничья.
Не существует страны той – с плохоньким инвентарём –
Дачу оставим закрытой, кошку с собой заберём.

2019

Лесополоса

Снова – слышишь? – в поле звук:
Это – ДШК –
Встаньте, дети, встаньте в круг,
Чтоб наверняка.
Встаньте, дети, как один –
Вместе веселей! –
Из подвалов, из руин,
Изо всех щелей.

Невозможной синевы
Небо из окна.
Где в войну играли вы –
Десять лет война.
Приумножилось разлук
В стороне родной;
Ты мой друг и я твой друг,
Посиди со мной.

Что сказать тебе хотел,
Не скажу пока:
Снова – слышишь? – артобстрел,
Снова – ДШК.
Ржавый танк, как старый жук,
Загнан в капонир.
Встаньте, дети, встаньте в круг,
Измените мир.

Чтоб над каждой головой,
Чистый, как кристалл,
Невозможной синевой
Небосвод сиял.
Хватит горестей и бед,
Тех, что – искони!..
Дети встанут и в ответ
Скажут мне они:

– Снова – слышишь? – в поле звук:
Залповый режим.
Ты мой друг и я твой друг,
Мы давно лежим
Там, где тянется в пыли
Лесополоса
И звучат из-под земли
Наши голоса.

2019–2024

***

На Пешков-стрит (теперь Тверская),
Где я к москвичкам приставал:
«А знаешь, ты ничё такая!» –
Москва, Москва – мой идеал.
Не надо! – город не угроблен,
Пока в нём строят и живут,
И часто: «Да и ты ничё, блин», –
Ответить могут, там и тут.

Но до сих пор, поднявши ворот,
Где площадь Красная видна,
Пересекаю Китай-город,
Как будто площадь Ногина.
Средь ограждений и решёток –
На стройке жить – как жить в говне!
Но центр выглядит ничё так,
Да и окраины – вполне.

С чего же стали центровые
Так часто-часто – нету сил! –
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил? –
Зане родные мостовые
Давно сменил на пыльный Крым,
Где обрывается Россия
Над морем чёрным и глухим.

Они как думают? – за МКАДом
Ни счастья нет, ни воли нет,
И рай вокруг считают адом,
Где им Собянин – Бафомет.
Москва, Москва, с какой печали
Ты на протесты поднялась?
За что пошли? За что стояли? –
За всё, как с гадов, спросят с вас.

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
У каждой станции метро
Москва заделалась базаром,
Когда она – ты помнишь, бро, –
Весь мир Свободой удивляя,
Стояла бедной и нагой?
Она была ничё такая,
Но жить приятнее в другой.

2019

На железной дороге

Чужую веру проповедую: у трёх вокзалов на ветру
Стою со шлюхами беседую, за жизнь гнилые тёрки тру.
Повсюду слякоть невозможная, в лучах заката витражи;
Тоска железная, дорожная; менты, носильщики, бомжи.

И воробьи вокзальной мафией, с отвагой праведной в груди
Ларьки штурмуют с порнографией – на VHS и DVD.
Негоциант в кафе с бандосами лэптоп засовывает в кейс;
Не подходите к ним с вопросами – поберегите честь и фэйс.

И нагадав судьбу чудесную, попав и в тему и в струю,
Цыганка крутится одесную. – Спляши, цыганка, жизнь мою!
И долго длится пляс пугающий на фоне меркнущих небес;
Три ярких глаза набегающих, платформа длинная, навес...

Где проводниц духи игривые заволокли туманом зал,
Таджики, люди молчаливые, метут вокзальный Тадж-Махал;
Им по ночам не снятся гурии, как мне сказал один «хайям»:
– Пошли вы на хрен все, в натуре, и – пошел бы на хрен я и сам.

Над Ленинградским туча движется и над Казанским вразнобой
По облакам на небе пишется моя история с тобой;
Она такая затрапезная, хотя сияет с высоты;
Тоска дорожная, железная; бомжи, носильщики, менты.

2008

***

Я помню, как идёт под пиво конопля
И водка под густой нажористый рассольник.

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник.

Заканчивался век. Какая ночь была!
И звезды за стеклом коммерческой палатки!

Где я, как продавец, без связи и ствола,
За смену получал не больше пятачки.

Страна ещё с колен встать не собралась,
Не вспомнила про честь и про былую славу.

Ты по ночам ко мне, от мужа хоронясь,
Ходила покурить и выпить на халяву.

Я торговал всю ночь. Гудела голова.
Один клиент, другой – на бежевой девятке...

Вокруг всю спала бессонная Москва,
И ты спала внутри коммерческой палатки.

Я знать не знал тогда, что это был сексизм,
Когда тебя будил потребностью звериной.

...К палатке подошёл какой-то организм
И постучал в окно заряженной волыной.

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Ты навещать меня давно не приходила...

Я не отдал ему из кассы ни рубля,
А надо бы отдать... отдать бы надо было.

2019

К славянам

Приснился сон: среди прочей мешанины,
Вставляли в крылья ангелу перо
Беспечные и робкие грузины.
И ангел их подбадривал: «Добро!»
Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в киевском метро.

Хохлы ко мне протягивали лапы,
Я видел в них собратьев и родню:
«Вам не враги – я говорил – кацапы!»
И плакал, изолгавшись на корню.
И проклинал – репрессии, этапы,
Голодомор и прочую херню.

Когда крылом прикрыл мне ангел веки,
Мне сон другой приснился – сон во сне:
Московское метро. И в нём чучмеки,
Со всеми равноправные вполне,
Что изгоняли русских – в прошлом веке,
А в этом – в нашей трудятся стране.

И я стоял, ни в чём не виноватый
(Но обвинённый полностью во всём).
Меня как будто сделали из ваты;
А мимо шли в атаку, под огнём,
Друзья мои, забритые в солдаты, –
Как я, не виноватые ни в чём.

Иные утверждают: «Ангел – пошлый
И графоманский образ!» Но во мгле
Он мне предстал, как символ жизни прошлой,
Когда варились все в одном котле.
И только Бог – разборчивый и дошлый –
Нас различал на небе и земле.

«Вы отдали – и стали тем богаты!» –
Так ангел резюмировал во сне.
Грузины, словно вечные юннаты,
Умножили старания вдвойне,
Но крылья были порваны, измяты,
Как души побывавших на войне.
И я стоял – ни в чём не виноватый,
Но убеждённый в собственной вине.

Вина виной... но это – отговорки,
Они в своём кругу нехороши:
Ну ладно, если где-нибудь в Нью-Йорке
Нас люто ненавидят, от души,
Но что нам делать, если не в восторге
От нас родные братья – бульбаши?

Поистаскались наши херувимы.
Друзья мои, – народы не пасу! –
Но будем, словно раньше, триедины!
Как встарь в доисторическом лесу.
...Земную жизнь пройдя до половины,
Я часто чушь прекрасную несу.

2020

Библейский блиц

Когда она в церковь впервые внесла

светильник светил от угла до угла
и всеголосавоединосливались

Господь, ниспославший нам психоанализ,
смотрел на пришедших с упрямством осла
Мария врала и волхвы пререкались

и буквы с турдом соибарлись в совла

Тот храм обступил их как замерший лес
в глазах у волхвов обозначился блеск
(извечный предвестник всего рокового)
и Слово которое было у Бога
меня значенье утратило вес
Мария замолкла Смеркалось окрест

И холодно было младенцу в вертепе

Поэт нахлобучивший дачное кепи
как смерд удобрял на участке корма
Стояла зима И все злей все свирепей
сквозь трепет затепленных свечек
сквозь цепи
Господь доводил этот мир до ума
дул ветер из степи

и высился крест на вершине холма

Вдали было поле Была тишина
как снег под ногами светла и темна

И было им странно Внезапно нагрянув
толпа напирала локтями ебланов
Святое семейство в потемках тесня

«Ты с миром Господь отпускаешь меня»
изрек Симеон   после пары стаканов
и тихо добавил   «такая фигня»

И странным виденьем грядущей поры
наполнился воздух   С далекой горы
мерцала звезда   словно суппозиторий
под видом младенца природе ввели

Светало   Означились кедров стволы
И ослик заржал как пидорено горе
пророчице вторя   и множа «ла-лы»

И было ему не сносить головы
свидетелю снов и безгрешных соитий
Звезда как никчемный энергоноситель
светила на мир   из высокой ботвы

и высился крест   и молчали волхвы

Но лошадь пошла поперек борозды
(и рифма вогнала пророчицу в краску)
Ворчали овчарки при свете звезды

Морозная ночь походила на сказку
Собаки брели озираясь с опаской
и жались к подпаску   и ждали беды

Но буря прошла в этот раз стороной
Младенец заснул как пузан на открытке
Мария схватила его под микитки
и запеленала в яслях простыней

Простившись без слез с пролетарской страной
поэт (что свалил после краткой отсидки)
гонимый по миру колбасной волной
осел в США   не оставшись в убытке

История та оказалась «джинсой»
и сделалась притчей во многих языцах

Господь пересказывал оную в лицах
когда возвращался по водам босой

но мы отвлеклись Позабыв о границах
рассвет охватил горизонт полосой
и свет воссиял не во тьме
а по сути
без лишних понтов и избыточной крути

Средь серой как пепел предутренней мглы
стояли толпой на холме нищевроды
ругались погонщики и овцеводы
ревели верблюды лягались ослы

и только волхвов из несметного сброда
впустила Мария в отверстие скалы

Но всё изменилось по ходу времен
для нас как для идолов чтящих племен
вертеп или храм не имеет значенья

По Фрейду любовь это пересечение
в отсутствии Бога двух разных начал

Светало И ветер из степи крепчал

Но чудо свершилось без б. и без п.
и с бкувою бувка в солвах помоянлась

рассвет прокатился волной по толпе
Господь призадумался (самую малость)
и двинулся вниз по заветной тропе

Светильник светил
и тропа расширялась

2009

***

Ряды кариатид меж столиками в зале,
Где сцена, микрофон и рампа без огней;
Рояль был весь раскрыт, и струны в нём дрожали,
И подпевал тапёр всё глуше, всё пьяней.

Ты пела до зари, как канарейка в клетке
(Надеюсь, этот штамп читатели простят).
Бухали калдыри, визжали профурсетки,
И за двойным окном лунной был полон сад.

Пока не пробил час, – в объедках рататюя
Танцующий в дыму ламбаду и фокстрот,
Излишне горячась, толкаясь и быкуя, –
Догуливал свое уралвагонзавод.

Сама себе закон, в слезах изнемогая,
Ты пела о любви – всё тише, всё слабей.
Гремя под потолком и жалости не зная,
Мне голос был – он звал: «Забудь её, забей!

Не будучи знаком ни шапочно, ни близко,
Ты думал, будет с ней и просто, и легко?»
Я отвечал кивком. «В притонах Сан-Франциско»
Наигрывал тапёр, как полный ебанько.

Тарам-тарам-тарам – в пылу цыганских арий
Поклонники её – соперники мои...
В саду был ресторан, за садом дельфинарий,
За ними порт и рейд, на рейде корабли.

И дела нет важней, чем выйти на поклоны;
Нет счастья, нет измен – есть только вечный драйв,
Есть рампа без огней и дама у колонны:
По виду (и вообще) – типичная sex-wife.

Под солнцем и луной не изменяя градус,
Не требуя любви и верности взамен,
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, Кармен.

2012

Контркультурное

*Заблудился свет во мраке
Занавешенных зеркал,
Неразборчивые знаки
Свет во мраке начертал.*

День как день, только ты не в ударе – заплутал словно свет в зеркалах.
Пополняется твой комментарий: [1] нах, [3] нах, [5] нах!
Ни опомниться, ни оглянуться, не склонив к монитору лица,
Если пишут тебе: ИБАНУЦЦО! – напиши им в ответ: ЗАЕБЦА!

День десантника, порванный тельник, аксельбант, как рыбацкая сеть...
Среди сотен стихов пиздодельных напиши хоть один – АХУЕТЬ!
Не про то, как ты кровь проливал там, жопу рвал, не сдавался врагу;
За салютом, за праздничным гвалтом, поделись, как – я ржунимагу! –
Перемучился дизентерией, как курил по ущельям в кулак;
И награды свои боевые заслужил – ничевосибетаг.

Не тревожьте его, не замайте в зеркалах заплутавшую тень,
На любимом падоночном сайте размещая одну поебень, –
Не имеет значения, кстати иль некстати, ты чист пред людьми –
Ты такой же, как фсе здесь, втыкатель, и такой же, как все, хуйпойми;
Из вселенских просторов гигантских – словно свет одинокой звезды
Среди сотен стихов графоманских напиши хоть один Б/П.

Расскажи. Расскажи мне о многом: как ногой выбивается дно,
И плодят [нрзбрч] ёбань, и снимают плохое кино;
Как под гнёт режиссёрского груза за софитами стелется мгла...

Если в порно снялась твоя Муза – занавесь поплотней зеркала.

2007

1989 год

Это тело обтянуто платьем,
как тело у жрицы Кибелы обтянуто сетью,
оттого-то заколка в твоих волосах
мне и напоминает кинжал.
Если верить Флоберу,
то в русских жестокость и гнев
вызываются плетью.
Мы являемся третьей империей,
что бы он там ни сказал.

В этой третьей империи ты мне никто и ничто,
и не можешь быть кем-то и чем-то,
потому что и сам я
в империи этой никто и ничто.
Остается слагать эти вирши тебе
и, взирая с тоской импотента,
обретаться в столице твоей,
что по цвету подходит к пальто.

Если будет то названо жизнью,
то что будет названо смертью?
Когда я перекинусь,
забудусь,
отъеду,
навек замолчу.
Это тело имеет предел
и кончается там, где кончается всё
круговертью,
на которую, как ни крути,
я напрасно уже не ропщу.

В этой падшей, как дева, стране,
но по-прежнему верящей в целость,
где республик свободных пятнадцать
сплотила великая Русь,
я, как древние римляне,
спяну на овощи целясь,
зацепился за сало,
да так за него и держусь.

В этой падшей стране
среди сленга, аргю и отборного мата
до сих пор, как ни странно, в ходу
чисто русская речь,
и, куда ни взгляни, –
выходя из себя,
возвращаются тут же обратно,
и, как жили, живут
и по-прежнему мыслят –
сиречь,
если будет то названо жизнью,
то названо будет как надо –
с расстановкой и чувством,
с апломбом,
в святой простоте,
это тело обтянуто платьем,
и ты в нём – Менада.
Ты почти что без сил.
Ты танцуешь одна
в темноте.

Украинско-крымский роман(с)

То яхонты, то аметисты сверкают и гаснут в волнах,
И берег темнеет скалистый, где спит на песке первонач.
Заплыв совершая то брассом, то кролем, то вдруг на спине,
Он всем показал, пидарасам, кто Главный при мелкой волне.

С усталой барменшей жопастой, подняв ледяные сто грамм,
Я пью за военные астры, как некогда пил Мандельштам.
Среди первоначов счастливых и мне побывать суждено,
Но не принимаю в заплывах участие я всё равно.

И как мне из века не выпасть? И, выпав, в него же не впасть?!
Пусть это будет как припездь, как неразделенная страсть,
Как будто в тоске и печали увидеть случайно пришлось,
Как жмёт под луной на причале российскую девку пиндос.

Захочется крикнуть: “Зараза!” – и выпить, Отчизну кляня,
За розы в кабине КАМАЗа, за всё, чем корили меня;
За ложь панибратских и свойских все объединяющих пут;
За музыку сосен савойских, которые здесь не растут.

А после поспать бы хоть часик, заняв под навесом топчан;
Но слышу над пляжем: «Пивасик! Рыбасик! Креветка! Рапан!»
Не важно, в гавайской рубахе иль в хаки под цвет конопли
Пиндос угодит в первоначи, а мы с первоначом в нули.

Когда это с нами случится? Не стоит наморщивать мозг.
К барменше зайдёт продавщица, закрыв по соседству киоск;
Хоть южная кровь не водица, но перебродило вино;
Я сам не любитель трудиться и с ними бухну заодно.

Итак: НАШИ БЕДЫ УЖАСНЫ! Нам их не дано превозмочь!
Мы пьём за военные астры (барменша - полковничья дочь),
За слёзы, что льёт продавщица, о тех золотых временах,
В которые нам возвратиться не в силах помочь первонач.

Так не задавайте вопросы тому, кто полжизни проспал,
Когда выгружались пиндосы на феодосийский причал:
Смелы, белозубы, плечисты, в погонах и новых ремнях...
Сверкали для них аметисты и яхонты гасли в волнах.

2010

***

От повтора к повтору, зная всё наперед...
Проповедует хору трудодни Гесиод.

Я, не видевший Рима, не понявший Москвы,
Говорю тебе прямо, без прикрас и ботвы:

Каждый вдох (или выдох), как на сломе эпох;
Между делом проидох и тщету обретох.

Словно жил не по правде, разеваючи клюв,
Как дырявые лапти, Dr. Martens обув.

На витрины глаза, оскользаясь на льду,
По гламурной Москве я, как по Риму, бреду.

Переменится климат. Повторятся стихи.
Нас по-доброму примут, несмотря на грехи.

Невзирая на лица всех, кто избран и зван,
Я хочу возвратиться, как последний баклан.

Как последняя сука – inferнальный, больной!..
В этом мире разлука – лишь прообраз иной.

Только так, не иначе. Захожу я во двор –
С туюском от Versace и в лаптях от Dior.

В пиджачке от Trussardi, как большое дитя...
Мне до Рима по карте два огромных лаптя.

В безвоздушном пространстве надо мной, как всегда,
По-церковнославянски – догорает звезда.

Мне бы сил поимети, дабы не лебезя,
Жить и жить бы на свете, но, наверно, нельзя.

Идут белые снега (а по-русски снега),
Оглянусь я во гневе, а кругом хуерга.

Это грустная шутка. Как сказал бы пиит:
На прощанье – ни звука; только хор Аонид.

Но непереводаимо хор по фене поёт,
Что не видел ни Рима, ни Москвы Гесиод;

Что отныне не днями измеряется труд;
Идут снега над нами (а по-русски идут) –

Без ботвы и разбору, без прикрас и забот,
От повтора к повтору, зная всё наперёд.

2010

***

Жизнь ушла на покой под известным углом.
Затянув ли, ослабив ли пояс,
Возвращаясь в себя, кое-как, чёрт-те в чём,
Ни в былом, ни в грядущем не роюсь.

Жизнь ушла на покой, как слеза по скуле,
Был мороз, был февраль, было дело.
И весь месяц мело, видит бог, в феврале,
Но свеча на столе не горела.

Ни свечой на пиру, ни свечой в полутьме,
Никакой ни свечой, ни лучиной
Не осветишь себя целиком по зиме,
Ни поверх, ни до сути глубинной.

Возвращаясь в себя, забирай же правей.
Забирая левее на деле...
Не мело в феврале – ни в единый из дней.
Нет, мело! Но мело – еле-еле.

Жизни не было. Так самый трезвый поэт
Написал на полях – видно, дрожжи
Со вчера в нем ещё не осели, – иль нет! –
Это я написал, только позже.

Только раньше ещё, но в который из дней –
В феврале ли, в апреле, в июле?
Жизнь ушла на покой – так-то будет верней.
Жизнь ушла – и её не вернули.

1992

Московский роман(с)

Заснул сосед уже, любитель сейшенов –
Крикливых дамочек под Mötley Crüe.
Портрет без ретуши: у занавешенных
Зеркал полуночных стою, смотрю.

В моем скворечнике стена с прорехами,
Окно на улицу, где вечно пьют.
Пиплы успешные отсюда съехали,
Одни лишь гопники окрест живут.

А через двор от нас, над эстакадою
Ночное облако скрыло луну.
Костер давно погас, и я с досадою
Стою и думаю за всю хурму.

Скрипя б/у-шными полуботинками,
Тебя привел ко мне какой-то шнырь –
Спина с татушками: дракон над стрингами
И грудь тяжелая, как пара гирь.

За пивом посланный, шнырь испарился и
В момент прелюдии сказала ты:
«Давай по-взрослому, забей на принципы,
Интеллигентские откинь понты».

На сердце гаденько, но, «осчастливленный»,
Стою и думаю в ночной тиши:
«Ах, Надя, Наденька, мне б за двугривенный
В любую сторону твоей души». [bis]

Купите бублички, горячи бублички,
Гоните рублички, да поскорей!
Скажите: губы чьи скрутили в трубочки,
Чтоб не раскатывал их до ушей?

...Храпит сосед, как зверь, во тьме за шторую
Погасли окна все и фонари.
Живу с другой теперь, на ласки спорою,
Но плоскогрудую и childfree.

2014

Марине

Напечатай меня еще раз в этом странном журнале,
Напиши обо мне, что отыщет дорогу талант.
Проходя сквозь меня по неведомой диагонали,
Эти строки замрут на свету электрических ламп.

Ничего-то в ней нет, в зарыдавшей от скорби Психее,
И какая там скорбь, если нет для печали угла
В той обширной душе, что когда-то была посвежее,
Помоложе, бодрей и, должно быть, богаче была.

Напиши пару фраз о моём неудавшемся жесте,
О моей неудавшейся паре ритмических па,
О свободе писать... Но свобода танцует на месте,
И порою лишь там, где танцует на месте толпа.

Уходящая вглубь, оживает под кожным покровом
Вся венозная сеть, и сетчатка не чувствует свет.
Всё, что было во мне, всё, что будет, останется...
Словом,
Напечатай меня
Так, как будто меня уже нет.

1993

Ностальгическое

Отрохотал XX век над городком несуетливым,
Где человека человек нет-нет, да и пошлёт за пивом.

Периферийная среда и быт с унылым постоянством;
Я помню времечко, когда я на проспекте жил Рязанском,

Что тоже было – не фонтан: ларьки, торгующие водкой,
И проходящих пара дам – с Марксистской и Автозаводской.

Я стал по глупости женат, потом развёлся «с этой коброй»
И был, конечно, ебанат, но ебанат простой и добрый.

Но чу! Московская звезда сменилась солнцем над заливом;
Я сам не знаю – как, когда, но вот я здесь... иду за пивом.

Принёс – и ослабел, и лёг... Да, пиво – яд! Не в том ли искус,
Чтоб человек напиться мог и бегал за угол в гибискус? –

Где лежаки на пляже в ряд, где пахнет коркою арбузной,
Где мне привиделся закат над Удальцова с Профсоюзной.

2012

Москва

Она состоит из фальши
И правды твоей земли;
Держись от неё подальше! –
Держись от Москвы вдали:
Не видит своих огрехов,
Но помнит грехи Кремля –
Прибежище понаехов,
Родная моя земля.

Ночными горит огнями,
Как будто сошла с ума!
Чужими живёт слезами,
Когда их не льёт сама;
Но лишь оботрёт гляделки, –
С расчётливостью следит,
Чтоб ел из одной тарелки
С евреем антисемит.

От этого – не тревожней,
Но как-то, на склоне дней,
Становится безнадежней
И жить, и работать в ней.
А те, что, пройдя сквозь сито,
Пробились едва-едва,
Да благословят корыта
И стойла твои, Москва!

Снега за окном, как перхоть,
Дожди на ветвях, как слизь,
И если решил приехать,
То слишком не загостись:
Не думай, что вместе с нею
Ты невероятно крут –
Она на любую шею
Сумеет надеть хомут.

Ночами на Красной Пресне
Стоит дискотечный гам:
Москва производит песни –
Не ездите за ними к нам.
В чужие края врастаю,
Но, как из груди ни рву,
Себя москвичом считаю –
И буду, пока живу.

Но даже и после смерти,
Когда надо мной всплкнёт, –
Москве никогда не верьте –
Она и рыдая – врёт.
Но кто бы её стыдиться
И хаять ни начинал:
ОНА И ТВОЯ СТОЛИЦА! –
Запомни, провинциал!

Когда загребают мопеу,
Когда регионы жмёт,
Таись от Москвы в тумане,
Стремись от неё в полёт.
Лети! Только Бога ради
Потом не роняй слезу,
Что предал своё Зарядье,
Оставил Арбат внизу! –

Что надо назад вернуться,
Пойти, как всегда, в кино...
И с кем-нибудь прошвырнуться
В каком-нибудь Люблино.
И где на витринах блики, –
Стоять и смотреть с тоской,
Как ходят толпой таджики
По Пятницкой и Тверской.

2021

***

Гелий и водород. Солнышко догорит.
Выдаст нам от щедрот. После: Shift+delete;
После: адзип рулю. Феноменальный йух.

*Я тебя так люблю! Больше, чем прочих шлюх.
Больше, чем эту твердь с воздухом и водой...*

Смертью Поправший Смерть, не приходи, стой!
Не умножай разлук, каждый Твой новый шаг
К нам приближает круг, где ожидает мрак.

Нет про былое дум. Кто виноват – вопрос.
– Что же нам делать, кум?
– Верить! И досвидос.

Даже восстав с колен, мысленно бью поклон:
Я – говорящий тлен, монументальный фон.

*Буду с тобою груб. Сделай потише pops.
Знай, что нагрянет – упс! – неотвратимый ёбс.*

Ты ли придёшь, не Ты ль, знаю: в толпе задрот,
Спишут меня в утиль – гелий и водород.
Выйду с похмелья в чат, произведу наброс...
Я не могу молчать. – Что же мне делать, босс?

Как же мне верить, дух – вызволив из-под глыб?
Если в итоге – йух, ёбс и всему адзип.

*Бодрствую или сплю, думаю, – в этом суть:
Я тебя так люблю! дуру и замазудь.*

Будет стабилизец, или конец времён,

– Как же мне быть, Отец?

– Делай как я, some on!

Значит, настал момент, не изменяя курс,

Переменить контент, но сохранить ресурс.

2013

***

Белый день заштрихован до неразличимости черт.
Я свернул у моста, а теперь мне, должно быть, налево...
Я иду вдоль реки, как дотла разорившийся смерд:
Без вины виноват, ни избы не осталось, ни хлеба.

Нынче ветрено, Постум, но что они значат – ветра,
С совокупностью их, с направлением, с силою, с розой?
Не пришедших домой тут и там заберут мусора;
Что рождалось стихом, умирает, как правило, прозой.

Ничего никогда никому не хочу говорить,
Повторяя себе вопреки непреложное: «Скажешь!»
До того перепутана первопричинная нить,
Что её и петлей на кадык просто так не повяжешь.

С чешуёй покрывает по самое некуда вал,
Никакого житья – всё равно, будь ты фейк или гений.
Я живу у моста. Я на нём никогда не бывал,
И считаю, что это одно из моих достижений.

1993–2019

***

Забористой вина бывает только – речь,
И тайный голосок сквозь волны перегара:
Она – всё та ж: Линор безумного Эдгара...
И ясные глаза. И волосы до плеч.

В душе повальный срач, и в помыслах – бардак
И бесконечный спор гаруспика с авгуром.
Для тех, кто побывал под мухой и амуром,
Любая простыня наутро как наждак.

Ты помнишь, как он пел её и Улялюм,
И прочую бурду, размазанную в прозе?
Для вынесших зело, порознь и в симбиозе,
Любые словеса – потусторонний шум.

Но кто-то говорит, и, значит, надо сечь,
И выслушать, – приняв, как плач или молитву,
Несказанные им, несхожие по ритму,
Другие имена твоих, Линор, предтеч.

Да были ли они? Но, видимо, отсель
Нам их не различить, довременных и ранних,
Когда тоска, как нож, запутавшийся в тканях,
Вращается, ища межрёберную щель.

Карающий давно изрублен в битвах меч,
В каких там битвах – нет! – при вскрытии бутылок.
Пространство смотрит нам безрадостно в затылок.
Мы входим в сотый раз в одну и ту же – течь.

1993

***

На улице алкаш одет не по погоде.
Уже к семи часам становится темно.
Сказать ли о себе? Сказать ли о народе?
Не всё ли нам равно.

В наручниках тоски, в машине милицейской,
Непойманный-не вор закурит натошак.
Спаситель говорил... и выговор еврейский
Картавое руно над ранами вращал.

И всё-таки шкала задуманного кода,
Как некий люминал, растаяла в крови.
Я позабыл теперь название эпизода,
Где некогда сыграл подобие любви.

Давно плюет в стакан другое поколение,
Которое поймут, дай бог, через века,
Да будет славно дум высокое стремленье!
И рифмы к ЖКХ.

И, выставлен на стрём в осеннем камуфляже,
На улице дрожит незавершённый стих.
Что мне твои шаги и топот третьей стражи,
Когда мой Третий Рим до первой стражи стих.

1991

***

Где подрались скинхед и хачик
(Из-за чего – пойдя спроси),
Там уронила Таня мячик,
Когда платила за такси.

А ей налили полстакана,
А ночка темная была.
Она запела про Ивана,
Но всё же с хачиком пошла.

1991

Дорожное

Вечно – гол как сокол,
Но на паперть ещё не приспело.
То ли так повелось,
То ли дальняя даль позвала –
Я из дела ушёл,
Из такого хорошего дела!
Ничего не унёс –
Отвалился в чём мать родила.

И как только в окне
Два ряда отштампованных ёлок
Промелькнут-пролетят,
Разгоняя печаль и тоску –
Позабудь обо мне.
Я погибшей державы осколок.
Как её возродят –
На своём не увижу веку.

Я ещё не исчез –
На развилке и до поворота,
Но уже говорят:
«Как ушёл – стало дело верней».
Может быть, так и есть.
Не моя это боль и забота –
Через выжженный сад
Я иду по державе моей.

Может, в этой связи
Переход не окажется долгом,
Не сумею понять
Ни народ, ни себя – по пути.
В непролазной грязи
Шевельнётся рабочий посёлок
И захочет обнять
И назад в темноте отвести.

2023

***

Ветер с моря. Озеро Мойнаки –
Небольшой, неправильный овал.
Кошки бесприютные, собаки,
Бывший санаторий и спортзал.

По траве, в согласии сутулом,
Часто спотыкаясь там и тут,
Две фигуры с клетчатым баулом
Тростником вдоль берега бредут.

Извлекая жалобные звуки,
Ветер издаёт протяжный гул.
Режет и оттягивает руки
Неудобный клетчатый баул.

В небе холодеющем ни тучки.
Две старушки, не сочтя за труд,
Взявшись за потрёпанные ручки,
Тот баул по берегу несут.

Шелестит осенняя осока,
Облетают редкие кусты;
Бабушек заметив издалёка,
К ним бегут собаки и коты.

На локтях промаслены заплаты;
Только встанут, как через лужок
Множество усатых и хвостатых
Налетит, запрыгает у ног.

Озеро, как вспененная чаша.
На ветру в трясущейся руке
Остывает сваренная каша
Из пшена на кислом молоке.

Из баула достаются миски
(Пластик, одноразовый Китай),
Напирают пёсики и киски,
Словно – дай! – выпрашивают, – дай.

Им дают. Но не хватает многим:
На дороге – толчея и бой...
Кстати, о дорогах: здесь дороги
Весь пейзаж изрезали собой.

Где котёнок притаился чутко,
Где щенок в укрытие залез.
Берег. Трансформаторная будка.
Степь да степь и парк кругом, как лес.

Бабок от усталости качает,
К ним один подходит за другим.
Им дают. Но многим не хватает,
Всех никак не накормить двоим.

Если ты рождён четвероногим
Под кустом в божественном Крыму, –
Пред тобой открыты все дороги,
Но тебе дороги ни к чему.

Налетают с моря дождь и холод,
Но страшнее в эти дни
Для зверей бывает только голод,
Это знают бабушки одни.

Вот они, сутулы, некрасивы,
Смотрят из наставшей темноты.
Но пока старушки эти живы,
Будут жить собаки и коты.

2018

Провинциальный роман(с)

Среди лая жучек и треморов,
Ночью, по дороге на вокзал,
Мастерицу виноватых взоров
Кто-то проституткой обозвал.

Здесь такое часто происходит –
В подворотнях, пьяные в дрова,
Так гнобят друг друга и изводят
Верные поклонники «Дом-2».

Но беду не развести руками,
Если ты нечаянно свернул
В переулок, прямо за ларьками,
Где открыт последний ПБОЮЛ.

Там, тая недюжинную силу,
Собраны, слегка возбуждены,
Ожидают нового терпилу
Местные, «с раёна», пацаны.

Впрочем, вру: не говорить пристрастно –
Первый твой завет, постмодернист!
Здесь таких, настроенных опасно,
Нет как нет, давно перевелись.

Но не всем пока ещё по силам
Изменить себя и уберечь:
До сих пор барыжит «крокодилом»
Маленьких держательница плеч.

Но, глядишь, завяжет понемногу,
На траву и смеси перейдёт.
Молодым – везде у нас дорога,
Старикам – везде у нас почёт.

Если в рай ни чучелком, ни тушкой, –
Будем жить, хватаясь за края:
Ты жива ещё, моя старушка?
Жив и я.

2016

***

Это было на выставке
в Центральном Доме Художника
много лет назад.
Тогда разные художественные галереи
стали выставлять произведения наших авангардистов:
живопись, скульптуру;

была там одна инсталляция:
на маленьком белом постаменте
стоял старый замызганный таз
из оцинкованной жести –
в таких тазах рачительные домохозяйки
обычно замачивали бельё перед большой стиркой.
Таз был наполовину заполнен грязной почерневшей водой;
такую воду
называют талой
и она
каждой весной, собираясь в лужи,
стекает мутными ручьями
по улицам нашего города.

В тазу,
в этой черной, грязной воде
плавало три предмета:
морковка (покрытая слоем плесени),
ведро (пластмассовое, с такими дети ковыряются в песочницах)
и метла (вернее, грубые березовые прутья, увязанные в пучок).

Зрелище, прямо скажем – так себе...
Было непонятно – зачем это показывать
зажравшейся художественной и
околохудожественной
московской публике.

Я мучительно переживал тогда
вторую,
самую большую
в моей жизни влюбленность.
Разрыв уже состоялся.
Она,
сжалившись и поддавшись
на мои многочисленные уговоры,
решила сходить на эту выставку –
в последний раз
со мной
в ЦДХ.

Я почти не замечал картин,
не видел столпившихся там и тут
посетителей;
я держал её за руку
(мне это –
напоследок! –
было дозволено)
и несказанно радовался этому обстоятельству,
как ребёнок.

Вид оцинкованного таза
с плавающими в нём морковкой,
ведром и метлой
как бы зацепился за край моего сознания и
словно застыл там
раздражающим пятном,
расплывчатым и ничего не говорящим.

Это продолжалось до того момента,
пока не раздался её смех,
радостный и бесцеремонно-громкий:
– Знаешь, как эта фигня называется?
– Нет...
– Прочитай, там на боку написано.

На медной,
чересчур солидной
для такой инсталляции
табличке
было выбито крупным шрифтом:

ПАМЯТИ СНЕГОВИКА

Больше этим вечером
она
так не смеялась.
На этой выставке.
Со мной.
В последний раз.

А вот имя и фамилию автора
я позабыл,
не запомнилось как-то...

Извиняйте, люди добрые.

2007

***

Я напишу тебе стихи
Из глупой головы,
Чтоб пробивало на хи-хи,
Как от дурман-травы, –
Не той, что шмаль и ганджубас,
А той, что – белена;
Но та и эта, полюбас –
Эквивалент говна.

Всё потому, что месяц – май,
И я не то курю...
– Моя твоя не понимай!
Понятно. Повторю.
И паханы, и петухи
О смысле бытия
Слагают глупые стихи,
Как многие, как я.

На них ушёл весь прошлый век
И этот век уйдёт.
Во тьме проклюнувшийся снег
На свет произойдёт;
Он будет падать с высоты
На сеть шоссейных лент,
Но это – как считаешь ты –
Говна эквивалент.

И я согласен. За говно,
За снег и за стихи
На стрелках трут давным-давно
Крутые и лохи.
И в этом есть прямой резон,
Пока не подрались...
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Под этот вальс в родном краю –
Чего бы ни хотел –
Я сорок девять лет курю
В сторонке не у дел.
Дурман-трава и ганджубас –
В забивке с табаком –
Идут четыре к трём, на раз,
В лесу прифронтовом.

Летит – разрежен, кособок –
Проклюнувшийся снег,
Что раньше стоил коробок,
Сегодня стоит – чек.
В стихах, как в погребке, темно,
И, видно, потому
Давно известно, что говно –
Эквивалент всему.

2017

Море-2

Хуй бы на этих злыдней –
Отроков во Вселенной –
С модой их малолетней,
С дурью их откровенной,
С думами о марксизме
И буржуазной хваткой.
Что мне сказать о жизни,
Что оказалась краткой?
Что показалась сжатой –
Словно большое в малом, –
Что доживаю ватой,
Будучи либералом?

Молодость – very sorry –
Вечным была резервом.
«Хочется плюнуть в море»! –
Так в 91-ом
Я написал, не зная,
Что в 93-ем
Снова страна родная
Станет говном последним.

Плюнуть хотелось в море.
В то, что меня ласкало –
Не потому что горе
Скулы свело как скалы,
А потому что вместе
С целой толпой народу
Будто остатки чести
Выменял на свободу.

В речи непанибратской
Что мне сказать о жизни,
Что оказалась блядской? –
Пейте мерло и смузи
В рамках заморских правил –
Пожили бы в Союзе,
Он бы вам не доставил.
Каждый бы в море плюнул,
Бури желая, шторма.
Он бы вам так присунул –
Круче, чем в жёстком порно.

Шторм – это шелест пены,
Пробки, щепы, окурки,
В волнах плывут сирены,
Лезут в прибой придурки.
Думы – сродни поклаже –
Тянут на дно и ниже...
Море без шторма гаже
Лужи навозной жижи.

Молодость – или младость,
Как в позапрошлом веке
Пушкин писал на радость
(Сам молодой навеки) –
Ветрена и надменна;
Даже поверить трудно,
Что пронеслась – мгновенно,
Будучи безрассудна.

Море. Простор прибою.
В небе сиротство тучки.
Нас здесь с тобою двое.
Вместе под старость лучше:
Шторм обходить по гальке
Скальных страшась обвалов,
В мире, где ковырялки
Женят транссексуалов.

Всех бы послать вас факсом
Во времена глухие...
Тех, кто, балуясь Марксом,
Служит буржуазии.

Что расцветёт – завянет.
Каждый четвёртый, в среднем, –
Из молодёжи – станет
Тоже говном последним.

Станут дурными снами
Ваши и наши судьбы.
Хуй бы со всеми вами,
С нами со всеми хуй бы!

2021

Сибирякам

Какую тебе ещё, нахуй, свободу?!
И вольную волю – какую, впизду?! –
Я пью из ладоней байкальскую воду
И в ней отраженную вижу звезду.

В краях, где людей по острогам гнобили,
Воздвигнут Свободы надежный оплот,
Среди достояний Восточной Сибири,
Родной и любимой, и ёбаной в рот.

Там воинский долг отдавал я Отчизне,
Не чаял вернуться...И думал – с хуя ль
Как автор, замеченный в постмодернизме,
Был позван участником на фестиваль?

Я ехал и думал: «Неплохо, неплохо –
Встречать прикатили на паре машин...»
И спрашивал, нету ли в этом подвоха?
И ежели есть, то какой же он, блин?!

Отпали вопросы, во всей своей массе,
Когда баргузин пошевеливал вал,
И я на корме повторял: «Нихуяссе!» –
Стоял и на берег с восторгом взирал.

По краю тайги, на краю Ойкумены,
Где каждой весной зацветают жарки,
Воистину, ваши края ахуенны,
Мои драгоценные сибиряки!

2017

***

Весь этот мир порнографический
С патриотическими ню:
На пляже баба сдобной выпечки
Изображает инженерю.
Татуировки с элементами,
Что впадлу делать пацану;
И детвора орёт под тентами,
Устроив кипеш на бану.

Набит хохлами, как занозами,
И Партенит и Тарханкут...
Война – войной. А розы – розами.
Они опять в Крыму цветут.
И с либералами унылыми
Горячий спор поприутих,
Что Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.

А если нет? – Тогда, фактически,
Не остаётся ничего? –
Весь этот мир катастрофический
С несправедливостью его.
И медленно пройдя меж слабыми,
Всегда без спутников, одна,
В косоворотках и с хиджабами, –
Россия вспрянет ото сна (?)!

Отставить выходки ~~дичарские~~ базарные!
Из глубины сибирских руд,
Сметая полчища ~~татарские~~ коварные,
Когда (и если) предадут, –
Ловя момент самоубийственный
Без всякой помощи один, –
Тогда ваш нежный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин!

2017

Светлане Чернышовой

Неправда! Мы не те,
что были.
Мы - другие.
Мы зародились заново,
шалом!
И обновилась вся драматургия
борьбы бобра
с веслом.

Мы не нужны!
И в этом вся проблема.
Но мы
ещё немного подождём...
Поэзия – затасканная тема,
ебись
она
конём.

Из нас двоих
никто не видел Бога.
Да узрит Бога кто-нибудь другой!
Но, говоря ответственно и строго,
он
нам
на кой?

Писать стихи
о чём-нибудь серьёзном,
как идучи за плугом – танцевать.
Нам жить в Крыму,
кому-то, скажем, в Грозном...
Как трудно жить! –
и не
охуевать.

Среди красот
плевать на катаклизмы!
Но если мир – прибежище иуд, –
хоть сотню раз по-новой зародись мы –
красоты не спасут.

Из наших ли гурзуфов,
симеизов,
а может, с их багам и гваделуп
и мы
когда-нибудь получим вызов
на Страшный Суп.

2018

***

По-другому жить бы надо, по уму!
Сердце дома. Сердце радо. Но чему? –

Ходят сплетни, что не в тренде дом родной.
Всё лишь бредни, – шерри-бренди, – ангел мой.

Мы устали от традиций, от затей –
Домом стали веб-страницы соцсетей.

Не хотели, но зачем-то, всё равно
Всё глазели на френдленту, как в окно.

Но и в ленте хайп со срачем, посвист пуль.
Шерри-бренди! – пьём и плачем, – ну а хуль?!

Город строит за ларьками новый дом;
Девки спорят с матюками под окном.

В интернете прямо пишут: КГ/АМ,
Всем на свете сносит крышу к ебням.

Город строит, город знает верный путь,
Всех укроет, всех обманет, как-нибудь.

В мониторе – чернь и челядь, +1.
Девки спорят, девки делят героин.

В самом деле – поумнели? – ах-ах-ах! –
Что и знали – растеряли, ужоснах.

Сердце дома. Сердце радо. Но чему?
По-другому жить бы надо, по уму.

2018

***

Выпили 0,8
Крымского вина.
Много было вёсен, –
И опять весна.

Но зашёл при этом,
Как родной, портвейн, –
Будто спел дуэтом
С Летовым Кобейн.

Примешался Запад
К шелесту берёз,
Словно Ванька-лапоть
Загулял с Кейт Мосс.

Соблюдал приличья,
Но дерзил (в ответ);
А любовь девичья
Не проходит, нет.

Было же когда-то!
Да не то – теперь.
Белая палата,
Крашенная дверь.

Вишня отцветает;
Нынче с высоты
Кто-то осыпает
Белые цветы.

За портвейном – водка,
Со слезой, до дна, –
Выдалась короткой
Крымская весна.

2018

***

Поскольку горе не беда,
Его не замечай.
Прощай, и если навсегда,
То навсегда прощай.

Ложится день на тёмный дол,
Как Пушкин бы сказал.
Представь, что я давно ушёл
И без вести пропал.

Со мной проблем не перечить;
Как с чистого листа –
Живи одна, живи как есть
И доживи до ста.

На тёмный дол ложится день.
За этот за размер –
Прости. Прости за дребедень
На аглицкий манер.

Мы друг для друга родились,
Чего бы кто ни врал,
Что я романтик, анархист
И амбисексуал.

Ты на порог со мною выдь
И возвратись назад;
С волками жить – по-волчьи выть, –
В народе говорят.

Сама из дома ни ногой, –
К чему базар-вокзал?
Нет, я не Байрон, я другой...
Как Лермонтов сказал.

Зачем, терпила из терпил, –
Вникал я или нет, –
Учитель в школе мне твердил:
«Погиб! Погиб поэт...»

Погиб? А может быть, ушёл?
Как все уйдут, как я...
Какой вмести́тельный глагол
В контексте бытия.

На этой родине и той,
Меня имена,
Поэт, по сути, – звук пустой
В любые времена.

Они ушли и нам туда,
Не знаю: в ад ли, в рай?
Прощай. И если навсегда,
То навсегда прощай.

2018

***

Отделилась Малая, отделилась Белая,
Занялась Великая глупой суетой.
Зарядив Калашников, с парой однокашников
Вышел в степь донецкую парень молодой.

Не за долю малую, вызволяя Малую, –
Из сердечной склонности, танковой дугой, –
Изничтожить ватников, с группой соратников
Им навстречу двинулся паренёк другой.

Никому не нужные люди безоружные
В этот раз не кинулись скопом на броню.
Сколько их ни выяви, – добровольцев в Киеве
Явно недостаточно дать отпор Кремлю.

Веруя в красоты, с жаждой справедливости,
Многие по трезвости, кто-то под хмельком,
Кучно, со товарищи, резко, угрожающе,
В чистом поле встретились парень с пареньком.

Было то под Горловкой или под Дебальцево,
Может, под Широкино... Было! – ну и что ж? –
Ничего хорошего – продали задёшево
Паренька из Киева и другого тож.

Там на шахте угольной воздух перерубленный,
Техника горящая, крошево и жесьть.
Злого, непостижного, возлюбите ближнего!
Украинца, русского – всех что ни на есть.

Оба, в общем, славные, парни православные,
Как ложится вместе вам во поле вдвоём?
Спят курганы тёмные, солнцем опалённые,
Тишина над Киевом, тихо над Кремлём.

2018

***

Идут по вип-персонной –
По жизни центральной –
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.
Практически – Европа.
Цивильная толпа.
Услуги барбершопа,
Веган-кафе и спа.

У всех живущих в Центре –
Особый кругозор:
И BMW, и Bentley –
Заставлен каждый двор.
И прочно – пусть нелепо! –
Роднит одна земля
С агентами Госдепа
Прислужников Кремля.

Стритрейсер по наклонной
Летит как чумовой –
Сережка с Малой Бронной
Иль Витька с Моховой?
В хоромах эксклюзивных
Который год подряд,
Наевшись седативных,
Их матери не спят.

Сплошные биеннале.
Хотя не тот задор,
Кураторы в подвале
Ведут привычный спор:
Почти во всякой фразе –
«Контемпорари-арт».
Как лох – так ашкенази,
Как гений – так сефард.

Но если кто из местных,
То ты за них не сцы!
Сидят в высоких креслах
Их деды и отцы:
Фанаты рок-н-ролла,
Любители травы.
Одни – из комсомола,
Другие – из братвы.

Но всем с периферии
Девчонкам, что ни есть,
За столики пивные
Возможность есть подсесть –
С улыбкою нескромной
И с целью деловой
К Сережке с Малой Бронной
И к Витьке с Моховой.

И, влезшие счастливо
В шикарные авто,
Под крафтовое пиво
О тех не вспомнят, кто
За этот кайф бездонный,
За праздничный настрой
В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой.

2018

***

Уходят ребята в иные края:
И жизнь дрянновата, и смерть, как змея.
Кто тёмнен, кто светел – в душе и с лица –
Отряд не заметил потери бойца.

Была кривовата земная стезя,
Уходят ребята, враги и друзья.
И жизнь, как засада, и смерть, как резня:
Ну что тебе надо ещё от меня?

Такое причтётся, что не отопрись, –
Откуда у хлопца испанская грусть? –
Из третьего ряда спую, не тая:
Гренада, Гренада, Гренада моя.

Из третьего ряда? Кто знает, в каком
Ряду до упада мы хором поём?
На грани распада и день ото дня –
Ну что тебе надо ещё от меня?

Сказала: «Доколе!» Спросила: «Ответь,
Мы хором, как в школе, обязаны петь?»
– Никто не обязан, – отвечу не в лад, –
Но всё-таки связан с отрядом отряд.

Уходят ребята, враги и друзья,
За ними когда-то отправлюсь и я;
Мне в памяти смутной, дырявой, как сеть,
Тогда поминутно не запечатлеть, –

Как в чём-то испанском, мантилье под стать,
На Старом Хованском ты будешь стоять.
Чугунна ограда. Улыбка темна.
Гренада, Гренада, Гренада, Грена...

2018

***

Который год в тюрьме моей темно,
И море на отшибе колобродит;

И, может, лучше, что ко мне давно,
Как к Евтушенко, старый друг не ходит.

А постоянно ходят – oh my God! –
Лишь те, что называются «с приветом» ...

В моей тюрьме темно который год,
Как в келье с отключённым Интернетом.

И женщина, которая – акме,
Давно со мной не делит страсть и негу.

Который год темно в моей тюрьме,
Да так, что лень готовиться к побегу.

2018

На прощанье

Снова море колобродит:
Посреди дождя
То уходит, то приходит,
Плачет, уходя.

Недоедено хинкали;
Сквозь прибрежный гул
Из динамиков в курзале
ДДТ олд скул.

Подыграй, прикинься Музой,
Пеной и волной,
Где курортник толстопузый
Плавает с женой.

Хватит жить всеобщим горем,
Раны бередя;
Подыграй, прикинься морем,
Небом без дождя.

Так, как будто бы любила –
Сотвори добро,
Пожалей, как Колумбина
Своего Пьеро.

Чтоб услышал на прощанье,
Как когда-то, я:
Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья.

2019

Дачное

Когда строку диктует чувство,
Стихи выходят не всегда.
Живу легко и безыскусно:
Гори, гори, моя звезда.

Поговорим о том, об этом,
Любой поэт – Полишинель.
И тёмный ждёт – с далёким светом –
Нас всех туннель.

Твоим делам, твоим работам
Дадут оценку наверху.
А если нет – тогда чего там! –
Какого ху?.. –

Без сожаления, невинно
Бери чужое – просто так:
Льёт дождь. На даче спят два сына,
Допили водку и коньяк.

Они с утра разлепят веки, –
Во рту как будто сто пустынь.
С похмелья братья все! Во веки
Веков. Аминь.

Они с утра разглядят лица,
И под глазами волдыри;
Но нечем, нечем похмелиться! –
Звезда, гори!

Себя почувствуют, бывало,
С чугунной сидя головой,
В глуши коленчатого вала,
В коленной чашечке кривой.

Когда волна галлюцинаций,
Заполнив мозг, спадёт на треть,
Им вновь захочется смеяться,
Кричать и петь.

Но не напишется нетленка,
Когда полжизни пополам;
И будет низкая оценка
Любым делам.

Кто бросил пить, всего помимо,
Тот знает рай и видел ад.
На даче спят – непробудимо –
Как только в раннем детстве спят.

2018

Иван да Марья

Звёзды ночью, словно бисер,
Над домами – сплошняком.
Сидит Ваня, пишет высер
Для ресурса udaff.com

«...Во Всиленной каждый атом
Адиног и разопчён!..» –
Высер будет напечатан,
Но с пометкой: ниачом.

Наш Иван – такой несчастный! –
Глянет в небо из окна:
Светит месяц, светит ясный,
Светит белая луна.

Как бы он лица ни прятал, –
Он чужой среди своих.
Ваня признанный хуятор,
Но из мелких, рядовых.

В обличительном экстазе,
Тоже сидя у окна,
Пишет текст о хуемрази
Феминисточка одна.

Тот же сайт и тот же город,
То же небо за окном,
Но, похоже, ей не дорог
Пресловутый udaff.com.

Ей, по сытой судя морде,
По тому, что всех не жаль, –
За талант не нужен орден, –
Согласится на медаль.

Ну а тут – и ей, по ходу,
Как по роже кирпичом, –
За воспетую Свободу,
Тоже ставят: ниачом.

«Контркультура – это тризна», –
Пишут ей, – «учи матчасть! –
Пропаганда феминизма
Нам тут нахуй не всралась».

В раздражении великом,
С гневом глядя на экран,
Возражает ей – под ником
РэдБезБатлер – наш Иван:

«Здесь продвинутые люди.
Чё ты гонишь? – пиристань! –
Этот мир – мужской по сути,
Но и женский, – Инь и Янь, –

Так устроено в природе
Среди прочего говна...»
Сам он третий год в разводе, –
Так же, кстати, как она.

Нелюбимый и печальный,
Засыпает в этот час
Город их провинциальный,
Светит месяц, светит яс...

И она, как на вокзале,
Кроет Ваню так и сяк,
Ибо знает, что в реале
Им не встретиться никак.

Ночь. Луна. Периферия.
Ник на сайте: Кох в Пальто.
А зовут её – Мария,
Просто Маша... если что.

2018

***

Когда меня не станет на земле,
Прибьют дощечку ржавыми гвоздями:
«Здесь жил поэт, бухая и с блядьми,
Как поросёнок, в собственном жильё».

Я жил в Москве, с улыбкой простеца,
Средь москвичей кручёных и верчёных,
И с ними пил – из гладких и гранёных, –
Как Кузнецов из черепа отца.

Я жил в Крыму, где всяк бывает пьян, –
В той части, где является он плоским...
Но я рождён на торжище московском,
Переведи меня через майдан.

Я помню часть зимы и ту весну,
Когда, от пьяной радости неистов,
Я наблюдал, как толпы оптимистов
Вернулись с полуостровом в страну.

И где сейчас, скажи, тот оптимизм?
Хотя чего? – я помню, как, едины,
Из них, считай, что больше половины, –
Вот так же приближали коммунизм.

С тех пор, склоняя голову свою
Пред волеизъявлением народа,
Я не люблю любое время года,
В которое болею или пью.

Народ, – неумудрённый по годам,
(Однако, поумнее, чем соседний) –
Пусть я плохой пророк и проповедник –
Переведи меня через майдан.

Мне больно слушать, как среди блядей,
В беде, с остервенением, по пьяни,
Мой сын поёт сегодня на майдане,
Хоть не дал Бог мне собственных детей.

2018

Вадиму Степанцову

Ты был одним из тех, кто вбил последний гвоздь
В дубовый гроб совка... но вбил – без фанатизма.
Бухгалтер Иванов – твой чужезвёздный гость –
Знаменовал собой уход соцреализма.

Но что соцреализм? – мелькнул и был таков,
Судьба ещё не раз покажет козью рожу,
И про тебя – ФАШИСТ! – заявит Михалков,
– Я вообще его, – добавит, – уничтожу!

Но Михалкова нет. А ты даёшь концерт;
Продюсер твой похож на злого пидараса;
И в зале, несмотря на радостный акцент,
Сомнительная пьёт и пляшет биомасса.

Средь них не насчитать и десяти друзей,
Ты с ними одинок, как будто бы в пустыне,
Но это лучше, чем какой-нибудь музей
И в зале – пять коллег плюс две филологини.

От этого всего хочу на склоне дней
В деревню, на простор, чтоб тихо и невинно
Начать другую жизнь: курятник, шесть свиней,
Жена-ветеринар и прочая скотина.

Но к старым тянет нас и новым городам;
Ты в ближнем побывал и дальнем зарубежье;
Ты ездил на Донбасс, ты посетил майдан,
А я застрял, как поц, на крымском побережье.

Зажало, не изъять. Такие, брат, дела.
Но, как бухгалтер твой, зверею – по причине,
Что даже в тишине медвежьего угла
Нет спасу от коллег и есть филологини.

2019

***

Жизнь полна тоски и мрака
Посреди мудил –
У тебя была собака,
Кто её убил?

Как-то летом на Покровке –
Только дождь прошёл –
На трамвайной остановке
Ты её нашёл.

Шёл на улицу другую
Через тот квартал, –
Беспородную, смешную
Просто подобрал.

Не рассчитывал, – однако
Взял да приютил;
У тебя была собака,
Ты её любил.

И жена была и дети,
Но, гуляя с ней,
Понимал – на целом свете
Нет её родней.

Это было там, где «Билла»
И автовокзал –
Ты собаку за перила
Плохо привязал.

В тот недобрый, неудачный,
Злополучный час
В переполненной магдачной
Ты застрял у касс.

Задержался на минутку,
Посмотрел в стекло
И увидел, как маршрутку
В сторону снесло.

Смял бумажку от биг-мака,
Вышел, закурил.
У тебя была собака, –
Ты её убил.

2019

Алексею Алешковскому

Ты помнишь воздух тот краснознамённый? –
Не продохнуть от комсомольских морд, –
Когда народ, проклятем заклеимённый,
На кухнях пел про Ванинский про порт.

Мы воспаряли, словно два Икара,
Пытаясь Катю обольстить Гордон.
Нас познакомил – для самопиара –
Один известный штопаный гондон.

Я помню, как, похмельем утомлённый,
Ты говорил, от важности зловец:
– «Товарищ Сталин, Вы большой учёный» –
Моим отцом написанная вещь.

Я в тот момент, конечно, не поверил,
Но позже, разумеется, узнал,
И ты мои сомнения похерил, –
Когда продемонстрировал журнал,

Где с этой вещью вышли и другие,
Что при совке пополнили фольклор, –
Я начал рассуждать о синергии,
Ты перевёл на Катю разговор.

Кто лучший был тогда из нас оратор,
Не знаю... только, думаю, не вдруг
Я пригодился ей как дефлоратор,
А ты функционировал как друг.

Нам пятьдесят. Мы не дошли до точки.
И Катя – не одна из наших жён.
Я в соцсетях карябаю стишочки,
Ты на Фейсбуке лезешь на рожон.

Но жизнь нас поматросила, не бросив:
Среди больших талантов и умов
С тобою Лев приятельствовал Лосев,
Меня Гандлевский знает, Шаргунов.

Мы маялись то трезвостью, то пьянкой,
Пока не перешли свой Рубикон.
А Катя оказалась лесбиянкой
И гомоэмигрантом стал гондон.

И воздух снова стать краснознамённым
На акциях протеста норовит,
Опять кипит наш разум возмущённый,
И порт в посёлке Ванино открыт.

2019

***

Текла за дачей Истра, где мы ходили в лес
С актрисою, что быстро теряет интерес.

Она жила театром и творчеством жила;
Река огнём закатным горела и текла.

«Утиная охота» на сцене шла тогда:
Работа есть работа, работа есть всегда.

И, вечности заложник у времени в плену,
Я в позах всевозможных с актрисой шёл ко дну.

В ней даже Божья искра была как тяжкий крест.
И наврала, что быстро теряет интерес.

Да, это было что-то! Но было так давно:
«Утиная охота» – унылое говно.

Как догорали чисто закатные тона!
Текла за дачей Истра, а может быть, Шексна?

В стремлении понятном к искусству, не со зла,
Она жила театром, где каждому дала.

Представьте себе, представьте себе,
Где каждому дала!

Ещё строка – и точка – достаточно о ней.
Была бы только ночка, да ночка потемней.

2019

Пташечка

У коровы есть гнездо,
У верблюда дети.
Ты – мудро и я – мудро,
Мы одни на свете.

Много в городе дорог,
Катятся машины,
На асфальте голубок,
С отпечатком шины.

В колесе, за годом год,
Крутимся, как белки.
Прогоняет кошку кот
От её тарелки.

В облаках над голубком
Голубица кружит,
Да и кошка та с котом
Делится и дружит.

Неизбежность – от и до –
Нас сопровождает,
А корова вьёт гнездо
И верблюдов рождает.

Ты – баран и я – баран,
Мы давно, как эти –
Пролетарии всех стран –
Дрочим в интернете.

Может, думаем, душа
Есть родная где-то:
Хорошим, блин, хороша,
Плохо, блин, одета.

Видя нашу тупизну
В поисках убогих,
Бог, чтоб выбрали одну,
Посылает многих.

Только-только ту да сю
Сложишь половинки, –
Глядь, участвуешь вовсю
В свингер-вечеринке.

И за то – гореть в аду
Нам с тобой, всецело! –
Во зелёном во саду
Пташечка пропела.

2019

***

Когда в сознании пологом
Светильник разума угас, –
Еврей, единожды став Богом,
Записан в паспорте, как Спас.

И во Владимирском соборе,
До Рождества, среди зимы,
За спины встав в церковном хоре,
Пою и я Ему псалмы.

2007

***

На курке держали палец –
Столько лет! – напрасный труд:
Deutschland, Deutschland über alles! –
Турки с неграми поют.

В этом мире – злом, продажном –
Выжить крайне нелегко;
Есть фашизм в любом и каждом, –
Учит нас Мишель Фуко.

Соблазнительная прелесть
Этой мысли – через край:
Есть в любом и каждом Геббельс
И мечты о judenfrei?

Прибежали в избу дети
Второпях спросить отца:
«Сэ-сэ-сэр в авторитете
Был до самого конца?»

Наш распад – не ноу-хау, –
Стыд, конечно, и позор,
Но, однако, не Дахау,
Бухенвальд и Собибор.

Мы не ангелы, не черти –
Словно немцы в ту войну,
Мы, пожить желая в смерти,
Уничтожили страну.

Мы похожи. Мы попались:
Турки с неграми и тут,
Только Deutschland über alles,
Слава Богу, не поют.

2019

***

Ей дали роль занудную – как будто на позор,
И вовлекает в блудную интрижку режиссёр.
Тех лет как будто не было, когда, не чужа ног,
Без опозданий бегала девчонкой в драмкружок.

Все рыцари, все витязи, – казалось, –— среди парней, –
Когда училась в ГИТИСе, на первом курсе ей.
Порой учёбу трудную терпя, как боль и грусть,
Одну молитву чудную твердила наизусть:

«Пускай удача явится и слава, как гарант...
Ведь я ли не красавица? Ведь я ли не талант?
Пошли в подмогу воина из вип-персонных лож...»
Но жизнь не так устроена – молитвой не проймешь:

Она поманит пальчиком, чтоб в грязь толкнуть лицом;
И режиссёр по мальчикам окажется спецом.
И рыцари, и витязи сломались и спились,
А нет – такие припезди нажили, что держись!

Кто по массовкам мается, кто в ТюЗе, как в аду:
«Идёт бычок, качается, вздыхает на ходу».
И до зарплаты еле ей удастся дотянуть,
И не побыть Офелией, и в «Чайке» не блеснуть.

Но это – не для каждого; и ей, который год,
Как погребённой заживо, в мечту заказан вход:
Театр ролями малыми заколебал давно,
Но глухо с сериалами и не берут в кино.

На подиумы разные – пора, мой друг, пора, –
Рождая мысли грязные походкой от бедра.
С дизайнерами рьяными поладить и – вполне!
Но жаль, с такими данными на подиумы – не...

Везде одни условности, которых не понять...
А, может быть, в перформансе участие принять?
Глядишь, потом появится заказчик или грант:
Ведь ты ли не красавица, ведь ты ли не талант?!

Не Марья не Искусница, ни слова в простоте, –
Однако, однокурсница – фронтвумен в МХТ.
Летит, кончаясь, молодость; кончаясь, дни летят;
И ей открыто – «много вас!..» – на кастингах хмят.

Мы с ней сидим в буфете и подвыпили чуть-чуть;
Последний акт трагедии: на стол положит грудь
И шепчет, как попутчица, не глядя на часы:
«Всё сбудется, получится, всё сложится, не ссы».

2019

Крымский текст

Когда я гуляю по зимнему парку,
и рядом со мной
бегает бездомная собака,
заглядывая мне в глаза
своими голодными глазами,
и потом,
представив, что я ее хозяин,
проводит меня через весь город,
потому что с хозяином
не надо бояться
других бездомных собак;
когда ветер с моря
продувает насквозь
заброшенный санаторий
и срывает последние листья
с платанов, акаций и тополей, —
я часто вижу среди деревьев
толстого больного мальчика,
одетого в шапку-ушанку
и теплый, не по размеру,
лыжный спортивный костюм.

Мальчик постоянно ест
и постоянно разбрасывает по аллеям
рваную упаковку
от чипсов, конфет и орешков.
Он берет их из багажника
обшарпанного мотоцикла,
на котором его привозят
днём или вечером
для регулярных прогулок
в парк.

Привозит мальчика сорокалетний
деклассированный элемент,
подстриженный наголо
и одетый в короткую кожаную куртку.
Он постоянно находится рядом,
изредка поглядывая
на жующего мальчика,
лицо которого
обезображено
недоразвитой психикой
и, как следствие,
болезненной полнотой.

«Странная пара», – всегда думаю я,
но так, похоже, не думает
считающая меня хозяином
бездомная собака:
она подходит то к мальчику,
то к подстриженному наголо
деклассированному элементу,
повиливая хвостом
и настойчиво выпрашивая поесть.

Мальчик не обращал на собаку
никакого внимания,
а вот деклассированный
любил, усевшись по-зоновски на корточки,
погладить её и поиграть с ней;
иногда – я не видел, но, может быть, –
чем-то кормил.

Подстриженный наголо
часто отвечал на телефонные звонки
и, переговорив по мобильному,
кивал жующему мальчику,
после чего
тот,
с мучительной сосредоточенностью
умственно отсталого человека,
устремлялся за трансформаторную будку
или в ближайšie кусты,

некоторое время пропадал там
и с облегчением возвращался
к наполненному едой
багажнику обшарпанного мотоцикла.

Как-то, ближе к Рождеству,
прогуливаясь по парку
с бегающей рядом собакой,
я увидел
протянутую между кустами
и трансформаторной будкой
полицейскую ленту и микроавтобус
с надписью: «Следственный комитет».

Вокруг, в кустах и за деревьями,
ходили и шарили в зимней траве
одетые в служебное
и гражданское люди.

Я и до этого замечал,
что после того,
как деклассированный элемент
увозил на мотоцикле больного мальчика,
на их месте
постоянно появлялись
какие-то тёмные личности
и что-то искали,
шпыняя ногами листву.

Пройдя чуть дальше по аллее,
я увидел
лежащий на боку
сразу за микроавтобусом
знакомый
обшарпанный мотоцикл.

«Надеюсь,
мальчику ничего не грозит», –
думал я, уводя за собой
подалше от полицейского ограждения
бездомную собаку, –
«трудно повесить
сбыт наркотических средств
на слабоумного
и малолетнего инвалида».

Надеюсь также, что мальчик не выдаст
подстриженного наголо,
ибо кто же, в таком случае,
будет покупать ему
орешки, конфеты и чипсы –
за спрятанные
в лыжном костюме наркотики
и за их закладку
в заранее определённых местах?

Когда я перехожу городское шоссе,
постоянно волнуясь
из-за летящих машин
за бегущую следом собаку,
я думаю: как же ей, наверное, страшно,
проводив меня до дома,
возвращаться под тёмным небом,
одной,
в продуваемый всеми ветрами
заброшенный санаторий.
Через полный опасностей город
возвращаться по улицам,
где во дворах
бегают стаями
чужие бездомные собаки,
или – что ещё страшнее –
выгуливают
без поводков и намордников
своих агрессивных питомцев
настоящие, – в отличие от меня,
но глупые и безответственные хозяева.

Как страшно, думаю я,
и как одиноко
возвращаться через тёмный город,
где собака
может попасть под горячую руку
и пострадать,
по доверчивости подойдя
к одному из местных наркоманов,
находящихся в ломке
и потерявших сегодня
двух своих постоянных,
но не очень удачливых
продавцов.

2018

***

Если всё предрешено, мы не вырастем большими;
Не по адресу письмо: «Света-dast, sosy в машине».
Жизнь одна, а может две – если справимся с парковкой;
Мы давно по голове получили монтировкой.

Всех, что встали раньше нас, – даже тех, кто лесбиянки, –
Обслужила Света-dast, в глубине автостоянки.
Хватит строить на крови, приучать подростков к спайсу!
Всем отказано в любви! – только секс – и тот по прайсу.

Отвечая на письмо, не хаами, не будь плебеем;
Мы не водим всё равно, и машиной не владеем.
Спел о нас Бюль-Бюль оглы под фанеру, без изъянов:
«Все друзья мои – козлы!» – или это был Кабанов?

Если Света даст – фигня! – сколько нас таких? – но всё же,
Мне не спится, нет огня... И тебе не спится тоже.
Наша доля нелегка. Наша почта не в порядке.
Мы с тобой – два мудака с верхней лестничной площадки.

Потому что жизнь не ждёт – за рулём кабриолета,
На который насосёт, непременно будет Света.
Сколько было этих Свет! Как бы страшно ни грешили,
Мы прожили много лет, но не выросли большими.

2019

Забелдомцам

(защитникам Белого дома)

Светлоликим совершенством мне не стать в ряду икон,
Я всегда был отщепенцем, похуистом, говнюком.
Не расскажешь даже вкратце, как мне съездили поддых,
Там, на фоне демонстраций, в девяностых, непростых.

Был момент – народовластьем, словно кровью по броне...
Но остался непричастен я ковсейэтойхуйне.
Потому что был далёко – среди выпренных писак
Исходил словесным соком, как и все они – мудак.

В начинаньях пиздодельных жизнь пройдёт – ни то ни сё.
Я пишу в еженедельник: ЗАЕБАЛО ЭТО ВСЁ!
Снова сумрачно и плохо, но на этом на веку,
Мне та похую эпоха, отщепенцу, говнюку.

Дела нет. Всё заебалю. И не только простыня,
Но жена, как одеяло, убежала от меня;
И подушка, как лягушка, прыг-да-скок на грязный пол.
Всем поэтам – жизнь игрушка! Побухал – и отошёл...

Отошёл, не в смысле – помер, просто стал пред Богом чист.
Журналисты пишут в номер: КТО СЕЙЧАС НЕ ПОХУИСТ?
Я за свечку, свечка – в печку! Плохо помню этот год...
Я порвал, тогда «уздечку». (Кто в разводе, тот поймёт!)

Бэтеэры шли рядами после танковых колонн.
Демократы с утюгами, диссиденты с пирогами,
Трансвеститы с бандюками – непонятно – кто на ком...
Но зато, как говорится, мы разрушили тюрьму:
Россиянам за границей иностранцы ни к чему!

Всё давно покрыто мраком, мать затихла перемать;
Я женат четвертым браком – бросил пить, курить, гулять;
Над заплаканным танкистом транспарант торчит бочком:
Я ОСТАЛСЯ ПОХУИСТОМ, ОТЩЕПЕНЦЕМ, ГОВНЮКОМ.

2006

О стихах

*Для того чтобы быть поэтом,
необязательно писать стихи.*

Наверное, надо пояснить:
я всегда хотел говорить с людьми именно так –
без излишней образности.
Не путаясь в силлабах,
не подыскивая
нужных рифм.
Разве можно отобразить в стихах такое, скажем,
детское воспоминание:
среди подмосковных разросшихся одуванчиков,
за стройными рядами созревающей малины,
стоит известное всем сооружение из соснового горбыля
с выпиленной сердечком и,
как правило,
загаженной
дыркой.
Это деревенский туалет,
неотъемлемая часть
российского пейзажа.
Я иду в коротких штанишках в направлении этого
отхожего места,
сорвав по пути зеленое яблоко и
уворачиваясь от жалящих стеблей
подзаборной крапивы;
«Надо.
Давно не был.
Пришло время».
Или что там говорят в подобных случаях?
Мощным рывком открываю дощатую дверь.
И вот тебе на!
Там на корточках сидит
соседская девчушка
по имени Лилька,
которая иногда забегает к нам
пожрать малины и пострелять со мной
из самодельного игрушечного лука.

Она исподлобья смотрит то на меня,
то на яблоко у меня в руке и,
как ни в чем не бывало, заявляет:
– Ты знаешь, что есть в туалете нехорошо?
– Не знаю...а почему?
– У меня была знакомая в пионерском лагере,
она тоже ела пряники и конфеты,
когда ходила в туалет...
– Ну и что?
Лилька делает паузу и, бесстыдно
поправив трусы на щиколотках,
произносит:
– У неё от этого мама потом умерла.

Вообще-то весьма распространенное заявление
из области детской мифологии.

Все это производит на меня
чрезвычайно глубокое впечатление, и я
бормочу что-то вроде:
– Ну, и что дальше-то?
– Да ничего. Выйди, мне трусы надеть надо!
Я держу яблоко и слушаю, как Лилька аккуратно
шуршит нарезанной газетной бумагой
за прикрытой дверью.

В туалет мне как-то расхотелось.

С тех самых пор
я в такие места
с яблоками не хожу:

МАМУ ЖАЛКО!

Вот какова сила усвоенных в детстве
суеверий.

Ну и как, скажите мне на милость,
поведать такую историю,
борясь с ускользящим размером
и подыскивая сочетание
миллионы раз использованных рифм?

...Самое смешное, что кто-то делает это
до сих пор...

2007

Exegi monumentum

Катафалк – в итоге – данность,
Неминуемое дно;
«Все умрут, а я останусь!» –
Только тизер для кино.

Можно, с гордостью бесстыжей,
Заявить не ко двору,
Как в стихах когда-то Рыжий:
«Я поэт и не умру».

Нет-нет-нет, не поднебесье, –
Равнодушная земля –
Весь умру или не весь я,
Примет полностью меня.

Ежедневно к той могиле
По тропе, среди оград,
Чтобы люди приходили,
Надо ставить банкомат.

Катафалк и тот – нормальный –
Подадут, боюсь, не враз:
С маркировкой «Ритуальный» –
В лучшем случае ЛиАЗ.

Рыжий был излишне грустен,
Сам себе не по нутру;
Я б скромней сказал: «Допустим,
Как поэт я не умру».

Кто-нибудь из книгоманов
Возразит, сбивая спесь:
Это, мол, сказал Иванов.
Я проверил – так и есть!

Хоть любил и не был снобом,
Но читатель мой вослед
Не пойдет толпой за гробом,
Не покинет Интернет,

Где меня водили за нос,
Где я комменты не тру...
Где прочитанным останусь
И непризнанным умру.

2019

Марку Шатуновскому

1

Ему, назвавшему Москву
Геометрической ватой,
Приснился сон чудаковатый
Про Божьи мысли и траву.

Когда запели соловьи,
Тот сон закончился мгновенно;
Но если выпить седуксена,
Он повторится – c'est la vie.

В том повторяющемся сне –
Какие могут быть соблазны?
И свет, и тьма однообразны
В том повторяющемся сне.

Но Бог почувствовал траву:
Она легла Ему под ноги,
Когда Он встал на полдороге
И... превратился в синеву.

В той синеве возник каркас,
И приоткрылись перспективы:
Они кривы и некрасивы,
Но переменяются, Бог даст.

2

Когда он яблоко догрыз,
Ты помнишь, семечко упало?
Антропоморфные начала
Не из него ли разрослись?

Как далека от них трава! –
Простое дикое растение:
Ни рук, ни ног, ни средостенья –
Сплошные корни да ботва.

Сказав Радищеву: «Отпей!»
(Он сильно сдал в илимской ссылке);
Уговорили полбутылки
На фоне заспанных полей.

С судьбой, напряженной на быт,
Он спит, поджав худые ноги,
А Бог стоит на полдороге
И двигать дальше не спешит.

Вот сопричастность естеству! –
Когда не раб, но соглядатай,
Ты видишь сон чудаковатый
Про мысли Бога наяву.

3

В который день, в каком году
(Как рассказать о том стихами?) –
Поэт послал подальше «Знамя»,
«Неву» – в Неву, «Звезду» – в пизду.

Как он устраивал скандал
На «45-ой параллели»!
Как перед ним благоговели!
Как он лицо не потерял;

Как обнаружил точку G
У Музы, сдвинувшей коленки!
Как он понравился Искренке
На семинаре Ковальджи;

Как, приспосабливаясь, жил
При развитом социализме;
Как подустал от этой жизни,
Но на нее не положил.

Поэт излишен, как гимен,
Но для чего-то существует;
Хотя... кого это волнует?
Поэт излишен, как гимен.

2016

***

Литинститут. Парадный вход.
Стою и чую бедным сердцем:
Вот словоблудия оплот!
Отсюда в Лондон съехал Герцен;
С того момента особняк –
Больших надежд апартаменты,
Но пишут многие – никак –
И профессура, и студенты.

Один талант и ветродуй
Здесь постигал стихосложенье;
Потом заметил: скажешь «хуй» –
И в зале сразу оживленье.
Но не за тем – Литинститут! –
Не говоря худого слова,
Рубцова помнят тут и чтут,
И обучили Степанцова.

И Евтушенко, и Ахма...
Нет, не Ахматова, конечно,
Но Ахмадулина – весьма! –
Училась здесь небезуспешно.
Какой ни есть – Литинститут,
Он – первый шаг из Зазеркалья:
Кому-то шанс даётся тут,
Но поступать в него не стал я.

Мне были знания нужны.
Но – бабы, водка... всё такое:
Развод с женой, распад страны –
Как будто выход из запоя
(Чтоб на руинах забухать,
Безостановочно и снова).
Потом пошёл, как все, пахать, –
И стало мне не до Рубцова.

Мне были знания нужны,
Я извлекал их повсеместно
Из мук и горестей страны;
Литинститут же, если честно,
С трудом закончил – средь блядин,
Бездарностей и дармоедов –
В новейшем времени один
Большой поэт – Кирилл Медведев.

Ну-ну-ну-ну! – шучу, шучу! –
Не говорите: «Вы всё врёт!»
...Навстречу звёздному лучу
Подбросило на повороте,
И жопой чувствую – придут!
И привлекут за брань и лживость.
Парадный вход. Литинститут.
И я там был. Но не сложилось.

2020

***

В облаках, без солнца снулых,
На московских мостовых
Александр витает Вулых –
Или всё-таки Вулых?

Жизнь зависит от везенья.
Герметичный, как скафандр,
Несмотря на ударенья,
Ты везучий, Александр.

Небожитель и философ,
Брать во френды не хотел:
Я пять лет к тебе в запросах
На Фейсбуке отвисел.

При таком, как мой, гешефте
Другом стать твоим – не вдруг,
Ведь, по слухам, ты Роснефти
И Газпрома лучший друг.

Порождает слухи зависть,
Но, не веря клевете,
Точно знаю, что друзья есть
У тебя на ОРТ.

Наш союз пока непрочен,
Но, надеюсь, расцветёт:
Ты, как я, не совкодрочер,
Хоть, как я, и патриот.

В начинаниях немалых,
Предначертанных судьбой,
Хоть не любим либералов –
Либералы мы с тобой.

На эстраде и в театре
Мы устроим шум и гром,
Как умноженные на три –
ОРТ, Роснефть, Газпром.

Движ протестный не прогнул их,
Вместе с ними – и за них! –
Будем стойки, Саша Вулых!
Или всё-таки Вулых?

2019

Вольные мысли

Поплутав по переходам, под гитарный перезвон,
Выбредаю за народом на заплёванный перрон.
Гармонист лицо бухое прячет в драные меха,
Время наше неплохое... и эпоха неплоха.

Над подтаявшим сугробом, у платформы на краю,
Мама папу кроет ёбом, – ~~разрушающим~~
укрепляющим семью.

Детвора киряет в школах, телевизор учит жить,
Как сказал один психолог: «Нам весь мир принадлежить!»

Не запомнить априори всех российских городов,
Где по доскам на заборе: «Бей чучмеков и жидов!»

Это всё не божья прихоть, не Господень Страшный суд;
Если ты здесь ищешь выход, – не ищи его ты тут.

Три струны заденет палец – песня слышится вдали,
«Девки в озере купались – жуй
хрен резиновый нашли».

Весь народ гудит и пляшет, всюду пенье аонид,
На гербах крылами машет двухголовый трансвестит.

Наше прошлое – лучисто, наша будущность – светла;
Полюбила ~~тракториста~~
финансиста и, как водится, дала...

Сорок лет – ни стар, ни молод. Мой сурок всегда со мной,
Он накурен и уколот, и закинут «кислотой».

Как на Киевском вокзале, трали-вали-ай-лю-ли,
Мне цыганки нагадали... и на пальцах развели.

За подол хватать Фортуны, я пока что погожу:

То ей хрен

хуй в забор просуну, то ей жопу покажу.

Птица-тройка, мало ль, много ль, нам испытывать Судьбу?

Нет ответа. Только Гоголь, перевёрнутый в гробу.

Мой сурок на «ты» с эпохой; девки плавают в пруду;

Если нам с тобой всёпохуй – знать, эпоха нивпизду.

2008

***

Кто тверёзый, кто набуханный,
Кто-то добрый, кто-то злой
Приходил на диспут кухонный,
Пополнял культурный слой:
Заседанье еженощное –
«Тайной вечера» под стать!
Было в этом что-то мощное,
Тектоническое, блять!

Он казался нам безжалостным –
Поздний тот советский строй,
И Москва дырой казалась нам,
И Отечество – тюрьмой.
Так и было. Было-не было,
Жизнь как будто замерла;
Лишь одна за водкой бегала
Безотказная герла.

Много чувств, да мало разума,
Незабвенные года:
Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда.
До сих пор – самовлюблёнными,
Обделёнными умом –
Над подземными разломами
И над безднами живём.

Больше трезвых, чем набуханных;
Меньше добрых, больше злых;
Не до споров стало кухонных,
Но, конечно, не без них.
Кто-то умер, кто-то здравствует,
Жизнь практически прошла;
В заседаниях не участвует
Безотказная герла.

Я над школьной фотографией,
Где всем классом, рассуждал:
Кто потом работал мафией,
Кто от мафии страдал,
Посреди того ужасного,
Но свободного житья.
Помнишь? – как там у Некрасова:
– Няня! Дай-ка мне дитя!

Воцарилась первозданная,
Как у Блока, тишина,
И в окне твоём – туманная
Только улица страшна.
Страх и ужас, словно приступы –
Постоянно со страной;
Наши кухонные диспуты
Вряд ли этому виной.

Над подземными разломами
И над безднами живём
Мы с тех пор непримирёнными
И сплочёнными с трудом.
Непонятной дурью вштырилась
Безотказная герла ...
А страна цветёт, расширилась –
Жаль, что ты не дожила.

2019

Фломастер

Проходил сегодня мимо школы
через толпу «кавказцев»
(студенты – учатся рядом
в Налоговой Академии).
За оградой
бегают русские детишки.
У одной девчушки
в прозрачном модном рюкзаке
живописно разложены
разноцветные
ручки, маркеры, карандаши...
– Дэвачка, дай фломастэр.
Остановилась. Посмотрела:
– А писю покажешь?
(Не боится – ограда высо-о-окая!)
Смеются.
Девочка с виду
учится в младших классах.

2007

Две строки

Чем больше толерантности в столице,
Тем меньше в ней России и Москвы.

2013

Собачка

Где старая дачка – в канавах камыш:
– Собачка, собачка, куда ты бежишь? –
По тёмному лесу, среди русских равнин –
Чтоб взял тебя в пьесу писатель Куприн? –
Что он парижанке напишет одной? –
В изгнание, в загранке, несчастный, больной.

Где старая дачка – среди лопухов,
Наверно, собачка, ты ищешь щенков? –
То дальше, то ближе – где погреб, где тын...
И плачет в Париже над пьесой Куприн.
Писатель, писатель, несчастный, больной,
Ах, как было б кстати вернуться домой!

Отчизна во мраке. Но дело не в том:
Там есть у собаки свой собственный дом;
Где любят и знают, где пища и кров,
Но где отнимают и топят щенков.
Россия вернётся! Чуть-чуть потерпи:
В ней только придётся сидеть на цепи.

Как злая подачка – свободный Париж!
Собачка, собачка, куда ты бежишь?
В базилике месса: орган, огоньки...
Закончена пьеса – четыре строки.
Пальтишко из нанки. На лестнице – темь.
И той парижанке лет шесть или семь.

Усталый, застывший, – когда дописал, –
Сосед, что «из бывших», прочёл и сказал:
«Вам стало бы лучше среди русских дорог,
А здесь вы – заблудший, несчастный щенок.
Там, правда, в овине, на заднем дворе,
Их топят слепыми в помойном ведре».

Сам полуослепший и полунемой,
Ты знаешь, где легче – давай-ка домой!
В Россию, обратно, тоски не тая...
Ответит – приватно – собачка твоя,
(Чтоб стало понятно – уж и ежу):
– Куда я бежу, никому не скажу.

2020

Ко Дню народного единства

Сретенка.

Волосы стали расти как-то реденько,
В город вернулась по новой орда;
Жить стали плохонько, жить стали бедненько,
Жить стали весело, как никогда.

Это не лечится.

Ветер по Кривоколенному мечется,
Где продают от зари до зари, –
Если задумаешь расчеловечиться,
Сразу бери литра два или три...

Хамская,

Поднаторела в скандалах Таганская,
Делит театры и пилит рубли.
Слава великая! Сила гигантская!
Только таланты со сцены ушли.

Узкие –

Там, где стою на Васильевском спуске я, –
Жёлтые полосы из темноты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Бутово –

Мрачное, словно насильно ебут его;
Над полигоном шумят тополя.
Люда раздетого, наспех разутого,
Сколько в себя приняла тут земля?

Модная,

В ленточках и транспарантах, Болотная
Выйдет качать перед властью права:
Буйная вся – и как будто безродная –
В целом чужая России Москва.

Явлено:

Люди не выглядят больше задавленно,
Но – задержись и вокруг посмотри:
Где мостовая была окровавлена,
Пятна из шлангов замыли шныри.

Трудное

Время, как встарь, продолжается, смутное –
Словно Отрепьев растёт из земли;
И, совершая цветенье попутное,
Душат хлеба на полях ковыли.

Тушино.

Что понастроено – будет разрушено;
Бывших становий остынет зола.
Жили отчаянно, жили придушенно,
Где со Лжедмитрием Мнишек жила.

Тонкими

Ты за подол материнский ручонками
Цепко хватаясь, не ведал, любя:
Не называли, царевич, «ворёнками»
Царских сынов на Москве до тебя.

Грозные

Меры бояре предпримут серьезные:
Много властей на Московской земле!
Знаешь ли, Ванечка, в сумерки поздние,
Сколько тебе задыхаться в петле?

2020

Жить

Татьяне

Как бы память обрезать, размыть? –
Чтоб не знать, как состарилась мать! –
Чтоб старушку с тележкой забыть
И всегда молодой вспоминать.
Позабить, как стареет жена,
И, свою искупая вину,
Исчерпать до предела, до дна
Эту память – на всю глубину.

Где метафоры, образы, стиль –
Чтоб смягчать и усиливать боль?
Как из памяти выдавить гниль –
Чтобы выделить самую соль?
Чтобы стих, как из сора, пророс –
По-ахматовски – сквозь лопухи!
Ибо гниль – это тот же компост –
Из него тоже могут – стихи!

Чтобы я, написав, не соврал,
Как поэт, чей закончился век:
«Он глядел на неё и сгорал,
И сгорал от непознанных нег».
Размышляя своей головой,
Как бы, случаем, не осознать,
Что жену представляешь вдовой
И за гробом идущую мать...

Осознал и буксуешь в слезах;
И, родных не жалея седин,
Хочешь только на первых ролях! –
Хочешь, как большинство из мужчин!
Но желанья того не избыть,
Будь ты слеп, будь ты глух или нем:
«Только б жить, дольше жить, вечно жить!»
Даже не понимая зачем.

2020

***

Весь я Крым прошёл-изведал,
Весь облазил-повидал,
Полюбил его – и предал.
Привязался – и предал.
Описал морскую воду,
Что во мне течёт, как кровь, –
И уехал. На свободу(?).
Вот и всё. И вся любовь.

Как хард-рок, как хеви-метал –
Те, что смолоду крутил –
Оценив – с годами предал
(Ну, не предал – разлюбил).
Посещал дворцы и норы,
Но – как чистый идеал –
Степи крымские и горы,
Всей душой любя, – предал.

Ветер. Озеро Мойнаки.
Кто же вспомнит обо мне? –
Только кошки и собаки –
Бесприютные – одне? –
Как таскался через город,
Вдоль заборов и оград,
Как кормил их в дождь и холод
И щенков их, и котят.

Дал им шанс, а может, не дал –
В те отчаянные дни? –
Всё равно в итоге предал –
С кем сейчас и где они?
У заваленного на бок
Позабытого плетня
Пара жалостливых бабок
Их накормит. Без меня.

Чую с гибельным восторгом –
Слишком близок и далёк –
Я, считающийся орком, –
Поступил, как бандерлог.
В огорчении безбрежном
Не простил и не забыл..
Но, как был – остался прежним –
Неприкаянным, как был.

2023

***

Я пришел весенним полем
Подивиться на закат;
Словно Надсон – тяжело болен –
И ни в чем не виноват.
Небеса в чугунных кольцах –
Жмут и давят, как в толпе...

Не ходил в народовольцах,
Комсомольцах и т. п.
Раз всего дышал «Моментом»;
Октябренок, пионер;
Был немного диссидентом,
Но еще в СССР.

Подружился с алкоголем
И к Свободе призывал.
Стал непрост и своеволен:
С алкоголем завязал.

Слыл разнузданным и робким,
Заводила был и шнырь.
По кривым весенним тропкам
Вышел полем на пустырь.

Из машины, без усилий,
Ослепляя светом их,
Ночью здесь вчера убили
Пару кроликов лесных.

Смерть всегда противна глазу.
Умножая беспредел –
Оба умерли не сразу...

Я в машине той сидел.

В жизни много пертурбаций
И сплошной неадекват.

Я не болен, словно Надсон –
И во многом виноват:
Что пришел весенним полем,
Что кладу через плечо,
Что непрост, что своеволен.

Эти кролики еще!..

2024

Диане Балашовой

Такой татарский нос и скулы,
такая русская душа! –
Твои труды, твои загулы –
твоя окрошка хороша!

Как ироничная москвичка,
пришпилишь трусики «кавычками»
к шнуру балкона нетипичного
шестого этажа.
Их стайка белая лиричная,
как строчка Бальмонта, свежа.

Да что там, собственно, окрошка?! –
Ты вся полна глубоких тайн.
И по коврам гуляет кошка,
не замечая твой дизайн.

Но и окрошка хороша! –
твоей прически чародейской,
злодейских слёз и веры детской,
с главой зачитанной Булгакова
и непрочитанного «как его?»
Ты – дочь Москвы. Ее душа.

Москва: закаты и рассветы,
рекламы, улицы, огни –
хоть родилась и не в Москве ты –
твои с рождения они.

Пришла на вечер Вознесенского –
как воплощенье духа женского:
и торопясь, и не спеша, –
с какой-то робкою отвагою –
послушать, что я там балакаю, –
невероятно хороша!

Среди реклам, огней и улиц,
надеюсь, как-нибудь вдвоём –
и ты, и я – слегка сутулясь
и взявшись за руки – пойдём:

куда, зачем? – какая разница –
вдвоём: развратник и развратница –
из разных сфер, из разных мест –
пойдем с тобой – куда понравится:
Москва – как ты – всегда красавица!
Ну а потом – как ожидается! –
свернём туда, где твой подъезд...

2024

***

То, что было огнём, то теперь – ебатня
И зависит от звона монет:
Отойди, не гляди – денег нет у меня!
Денег нет.

Не заметили, как наступил перелом,
Из троянского вышли коня:
То, что было говном, то теперь – эталон
Красоты уходящего дня.

Много было таких, много было сяких –
Всё, казалось, ещё впереди!
А теперь на любых – нету сил никаких,
Отойди.

Мы попробуем, но лучше этой вот всей
Суеты, лучше этого вот –
Уведи меня в ночь, где течёт Енисей
И сосна до звезды достаёт.

То, что было говном, то не станет огнём!
Уходящему дню вопреки
Мы как будто вдвоём старым садом идём
И жасмин достаёт до руки.

Нас обступит с тобой не цветущий Эдем,
А сожженная степь и кусты;
Мы чужие давно. Мы чужие совсем.
Но касаются локтя цветы,

И для свадьбы собачьей – построен маршрут
На дороге лежащей в огне.
Мне блаженства с тобой не дадут, не дадут,
Не-не-не!

Денег нет у меня. Нету сил никаких.
Но в любой ебатне и вовне –
Мы с тобой – из таких, мы с тобой – из сяких,
Мы с тобой как в троянском коне.

2020

Переделкино

Давай не видеть мелкого
Практически нигде!

Я еду в Переделкино,
Как поц по МЦД.
Обыкновенный дурень из
Поэтов от сохи.

На станции «Мичуринец»
Мне предстоит сойти –
Что будет с нами в будущем –
И не предположу!
Ты дачу арендуешь там,
А я к тебе хожу...

Ты в роскоши купаешься:
В уютный, старый дом
До дачи добираешься
На Бентли на своём.
Ты каждый год в Италии.

Как пахарь, как феллах,
А я-то что?! С хуя ли я?.. –
Опять не при делах.

Как по ступенькам лайнера,
Спускаешься ко мне.
Профессию дизайнера
Освоила вполне –
Поделишься, как плакала.
Расскажешь, не темня,
Как сделаешь из факера
Приятелем меня.

Обиды я не выкажу.
Страдая ерундой,
Смолчу...но после выскажу!
И назову пиздой.
С души как бремя скатится.
Ты скажешь: «Ебанько...»

И верится, и плачется,
И так легко, легко...

2024

Диане Балашовой-2

Не мне, как эхо, отзовёшься
Среди репостов сетевых...
И в Инстаграме улыбнёшься
Лишь для подписчиков своих.

Не заметишь, не оценишь.
Девичьей стройностью маня,
Наряд готический наденешь,
Не для меня.

Ты, как рождественское чудо,
Гори – хотя бы иногда! –
Гори, сияй – моя причуда!
Моя звезда.

Тебе и готика к лицу и
Любая прочая фигня:
Две тени, слитых в поцелуе.
И хруст песка и храп коня.

Какие могут быть вопросы? –
Пусть он велик, но он и мал –
Распространяющий видосы
С твоим участием – канал.

И вот – тебе неподобающ –
Смотрю, как славою гремя,
По телевизору блистаешь –
Не для меня.

Всё только – продолженье бала,
Из света в сумрак переход...
Чего тебе не доставало? –
Того и мне не достаёт!

Нас извлекут из-под обломков.
Но ты – прошу тебя! – всегда –
Не для меня – так для потомков –
Гори, гори, моя звезда!

2024

Стансы Диане

I

Живи – как царь, живи один,
Пока – как мальчик – не влюбился
И шестикрылый серафим
Тебе под старость не явился.
Иди дорогою свободной
Туда, где дом её высотный,
И над рекой – небесный свод.
Иди, она тебя не ждёт.

II

Любить иных – тяжёлый крест
(Но надо как-то по порядку):
Нажми на кнопку с цифрой шесть
И лифт поднимет на площадку,
Где возле запертой двери
Считал себя – чёрт поberi! –
То воздыхателем, то мужем...
Бывал внутри. Но стал не нужен.

III

Зайди за солью в магазин.
Потом без соли съешь окрошку...
Живи, как царь, живи один!
Иль заведи на даче кошку –
Как это сделала она...
Весенней ночью у окна
Сиди и жди её потом,
Когда уйдёт гулять с котом.

IV

Духовной жаждою томим,
Не сомневайся – чёрт бы с ним! –
Пушай теряет интерес,
Пушай слывёт любвеобильной! –
Любить иных – тяжёлый крест,
Но крест и вправду непосильный,
Когда средь прочих, остальных,
Полюбишь ту, что из иных...

2024

***

С огоньком, но в дыму – безнадёжная,
Словно в дождь разведённый костёр, –
Вспоминается жизнь односложная,
Как исписанный хуем забор;
За которым заводы, строительство,
Бесконечный советский аврал;
Я родился не для очернительства,
Но в гробу этот кипеш видал.

То бухал каждый день, то завязывал,
То – опять двадцать пять – за стакан;
Сквозь глушилки мне голос рассказывал,
Что живу в наихудшей из стран.
Это злило и жгло, словно нынешних
Протестующих трутней и пчёл:
Недовольство растёт даже в Кинешме,
Что сюда я для рифмы приплёл.

Персонажами фильмов Кустурицы,
Как ослабла советская власть,
Мы потом тоже вышли на улицы –
И такая хуйня началась! –
Что сочли как достойную плату за
Заблуждения прожитых лет, –
Не заметив, что в качестве вантуза
Нами чистят чужой туалет.

Даже Запад остался растерянным
И не понял, казалось, вполне,
От России услышав: «Я верю вам
И отдамся по сходной цене».
И когда б не надетая предками
Ей под юбку стальная броня, –
Что бы сделали с нашими детками
И со всеми, включая меня?

Вспоминается чересполосица
Бесконечных лесов и полей,
Из которых, как песня, доносится
Древнерусское наше: «Налей!».
Даже правду порой, словно ложь, нести
С пьяных глаз предпочтительней и,
Хоть давно завязал, – это сложности
Исключительно только мои.

Все враги – в телевизоре – порваны!
Повсеместно – для трутней и пчёл –
Фестивали, Конгрессы и Форумы! –
Будто взял да воскрес комсомол;
И везде – воровство, попустительство, –
Деткам не с кого делать судьбу...
Я родился не для очернительства,
Но видал этот кипеш в гробу.

2021

Ирине

Небо серое с прорехой предзакатного огня;
Я не в духе, ибо нехуй ждать чего-то от меня.

Поплутав по переходам, выхожу я на вокзал;
Я себя искусству отдал! (Или все-таки отдал?)

Куртка вольного покроя. Шарф в полоску на груди.
В этой жизни ничего я – нет! – не жду! И ты не жди.

Было так: ночами, днями – напролёт все ночи, дни
Куролесил я с блядьми... (Или правильной – с блядьми?)

Над палатками, как эхо, вместе с музыкой слова:
«Ты приехал! Ты приехал! Значит, я не зря ждала!»

Было всё. Но нынче глухи небеса к таким, как я.
Ибо нехуй. Я не в духе. Жди, не жди теперь меня.

За стеклянными дверями к барной стойке я присел,
Где три дня, звеня цепями, тёмный дуб, склонясь, шумел.

Ты одна сидишь в буфете, занимая стол и стул,
О таких, как ты, в инете прямо пишут: ябывдул.

Но не жди, доверься чувству: нет причала кораблю.
Я, как отданный искусству, только в нём себя люблю.

Или нет, в себе его я, что, по сути, всё равно.
Ни свободы, ни покоя нам, поэтам, – не дано.

2011

***

То ли мысли, сойдя со своей колеи,
В глубочайшем буксуют раздумье,
То ли я – вспоминаю любви свои,
За которые место в аду мне.

И любил – не любил, и страдал – не страдал,
И всерьез начинал, и для смеха...
С ненаглядной певуньей в стогу ночевал –
Без особого, впрочем, успеха.

Разлетелись, как птицы, любви мои
По огромному шару земному;
Даже та, с кем сойтись аж три раза смогли,
Убежала в итоге к другому.

Я в весеннем лесу пил березовый сок,
Заглушая сушняк и похмелье;
Ничего-то в себе не постиг, не просёк:
И любил, и страдал – от безделья.

Может, сам так решил, может, звезды сошлись –
Ни своим, ни чужим неподсуден –
Перед вами стою: патриот, крымнашист
(Виноват, разумеется, Путин).

И от этого мне не уйти никуда –
Ни в терновом венце, ни в короне,
Ибо Родина – это любовь навсегда,
Если бросит, то односторонне.

Ну а прочие все... упорхнули в свой срок,
Из совместного вырвались ада:
Что любил – потерял, что имел – не сберёг,
Но, наверное, так мне и надо!

Нам досталась в наследство большая страна,
Что же ною и жалуясь – что я?
– Друг, оставь покурить! – А в ответ – тишина:
Мы родились в эпоху застоя.

И страдать – не страдал. И любить – не люблю.
То ли знать не хочу – и не знаю!
То ли мысли вернулись в свою колею,
То ли я не о том вспоминаю.

2021

***

Стал похож на пидараса:
Тет-а-тет и визави;
Мясом тыкать в чьё-то мясо
Стало скучно без любви.
То же самое и в группе:
Мало-мальской и большой!..
Это – как вариться в супе
По согласию с лапшой.

Ты одна сидишь в буфете,
Занимая стол и стул,
О таких, как ты, в инете
Прямо пишут: ябывдул.
Но сейчас – такое бесит! –
Я от этого устал;
А тому назад лет десять –
Это я и написал.

Нас любовь за гробом встретит
Или выход в пустоту?
Мой костёр в тумане светит,
Искры гаснут на лету.
Я не знаю: мало ль, много ль
Нам испытывать Судьбу?
Нет ответа. Только Гоголь,
Перевернутый в гробу! –

Это тоже я когда-то
Написал на веб-портал, –
Кто-нибудь читал, ребята?
Кто-то помнит, где читал?
С молодым энтузиазмом
И с любовью! – смех и грех! –
Я писал о самом разном –
Вы читали?! Ну вас всех!..

Больше так писать не стану,
А напишется – сотру!
Места нет в стихах туману –
Ни туману, ни костру!
Не с любовью поднебесье, –
Равнодушная земля, –
Весь умру или не весь я,
Примет полностью меня.

2021

Весенняя элегия

Бабы. Водка. С корабля на бал:
С той – отведай, с этой – дербалызнъ;
Жизнь, в буквальном смысле, пролюбил –
Свыше мне дарованную жизнь.

Грозно говорил: «Ты кто такой?!» –
Всем, кто слишком обо мне радел;
И не раз с протянутой рукой
Собирал потом на опохмел.

Но решил – и больше ни глотка!
Мухи стали фаршем для котлет.
Это правда полустарика
Или полуправда средних лет?

Все долги, со временем, вернул,
Что пропил – по новой накопил;
Над землёй опять весенний гул,
Флирт и повсеместный сексапил.

Но весна мне в душу не скреблась, –
Я давно за волю и покой.
Кто-то нашу ненавидит власть,
Ну а кто он, собственно, такой?

Жизнь – безостановочный факап:
Первые пятнадцать-двадцать лет
Тяжело без водки и без баб –
Ничего другого просто нет!

Ибо остальное – что ни есть –
Из многообразия всего –
Только и удерживает здесь;
Но без баб и водки – ну его!

И, хотя похмелья больше нет,
До сих пор – протянута рука:
Это полуправда средних лет
Или правда полустарика.

Потому – сегодня и вчерась –
С неизменной силой, день-деньской,
Нашу недолюбливаю власть.
Впрочем, кто я, собственно, такой?

2021

***

Загулял.
Потом женился.
Развелись под Рождество.
В этой жизни не добился
абсолютно ничего.

Стал писать.
В литературу
просочился между строк:
поздно поняли, что сдуру
допустили на порог.

Вился
или же не вился
чёрный ворон надо мной? –
Я опять потом женился!
И развёлся на Страстной.

Жёг, как мог!
Но мало выжег:
от утра и до утра
накарябал восемь книжек –
не добился ни хера.

Но лишь в том краю,
в котором
стану пылью гробовой,
положу на всё с прибором –
чёрный ворон, я не твой!

Думал, что
переменился,
что умней с годами стал;
как всегда – опять женился
и на Пасху загулял.

К дуракам меня
причисли:
с головой, мол, не того!
В этой жизни – в этом смысле –
не добился ничего.

Но писать
не разучился:
наивысшей правоты
пару раз в стихах добился!
А чего добился ты?

2021

Грустные частушки о 90-х

Из того, что обрели, –
как не проебали всё?
Гуси берегом прошли,
Значит, нагулялися.

Из охваченных борьбой
Выжили немногие;
Это не было судьбой,
Это – зоология.

Как и раньше – в основном –
Белые да красные...
Всех нельзя назвать говном –
Люди были разные.

Тем, кто выжил, вкривь и вкось,
Под стволами, битами, –
Всем заделаться пришлось
Гадами и гнидами.

Наеблись – прости, Аллах! –
С девками весёлыми;
Ну и что, что на столах
Танцевали голыми?

Кто-то влезет в пингвин-сьют,
Кто-то в топ со стразами,
А кого-то изберут
В Думу с пидарасами.

Всех попользовала жизнь –
Шатию и братию,
Кто-то верил в коммунизм,
Кто-то в демократию.

Танцевали на столах
В дни великопостные,
Но, конечно, чем ГУЛАГ –
Лучше девяностые.

Жизнь пройдёт, как с яблонь дым,
Без любви до гроба, но!
Ни за что не отдадим
То, что не проёбано.

2017

***

Каждый поэт –
Суперзвезда!
Ревности – нет!
Равенству – да!
Если он – сир –
Плох его стих –
Есть «Новый мир» –
Он для таких.

Мемориал
Жалких судеб –
Всякий журнал
Нынче, как склеп;
Чистое зло
И чертовня:
«Знамя» взяло
Даже меня.

Всякий журнал –
Утильсырьё –
Верный провал
В небытиё;
Не подведут –
Даже на гран –
Только Facebook
И Telegram.

Вот где пиар!
Кабы – ту мач! –
Не холивар,
Троллинг и срач.
Где – как поэт,
Так и звезда!
Равенству – нет!
Ревности – да!

2021

***

Тягостно бывает, невозможно жить,
Если не хватает смелости убить –
Многих! – тех, что видишь, с коими живёшь;
Просто ненавидишь, только не убьёшь.
Ваши или наши – не на высоте;
Бляди стали краше – эти или те <?>,
Но не знает идиш каждый иудей;
Как его увидишь, так его убей.

Женщины стареют; женщины живут
Больше, чем имеют интересов тут.
В них ты – ни бельмеса, кроме красоты –
Жить без интереса привыкай и ты.
Даже если любишь, сам того не ждёшь:
Голову отрубишь – после не вернёшь;
Если даже знаешь, что не из блядей, –
Если понимаешь – всё равно – убей!

Ты – в своей основе – добрый... Ну и зря!
В этом мире крови пролиты моря!
Надо лишь немного: просто, может быть,
Попросить у Бога смелости убить.
С болью! – не иначе! – ибо смертный грех –
С теми, кто богаче и беднее всех –
С кем на митинг выйдешь – тех, что послабей, –
Сколько раз увидишь, столько раз убей.

Только – не поможет: новые придут –
Лозунги размножат, песни допоют.
И в кровавой каше, и в политоте
Ваши или наши – бляди ещё те.
Если разрывает, если так болит,
Что тебе мешает выбрать суицид?
Хватит этих стонов, плачей и скорбей;
Никого не тронув – сам себя убей!

2021

***

Все народы, как уроды! –
Некуда бежать.
Сядь у моря – жди погоды;
Отчего ж не ждать?

А в Москве опять локдаун,
И повсюду – он.
Сядь у моря – словно даун –
Прямо возле волн.

Не томись духовной жаждой,
Ты пойми, дебил:
Из народов – хоть однажды –
Каждый победил.

Да, бывало дело свято!
И наоборот...
Да, бывало – брат на брата –
Каждый так народ.

Не веди себя капризно:
Как постакеист –
Посреди постмодернизма –
Самоутвердись.

Как уроды все народы,
Но – у моря сядь! –
Будто воды, наши годы
Станут прибывать.

Во саду ли, в огороде,
Как олигофрен,
Тосковал ты по Свободе,
Ждал ты перемен.

Все печали – непременно –
Время исцелит;
Время лечит – как гангрена,
Как COVID.

Что сказать по этой теме? –
Где народ твой был,
Ты единожды, со всеми,
Тоже победил.

2021

***

Надоело нить,
Проклинать судьбу,
В Петербурге жить –
Словно спать в гробу.
Там стихи читал,
Удивляя люд:
Как всегда – мечтал,
Что меня поймут.
Подвели друзья
Светлолицые:
Не прошёл в князя –
Эх, провинция!

Надоело нить,
Чепуху молоть,
Эту ночь прожить
Помоги, Господь.
Я за жизнь боюсь,
За твою рабу,
За Москву – чей груз
На моём горбу,
За безумный свет
Всех её огней
И за десять лет,
Что живу не в ней.

Я смотрю давно
На другой фасад:
Вот опять окно,
Где опять не спят.
Я живу в Крыму,
Я стою внизу –
Подойди к окну,
Урони слезу.
Вот и вся моя
Предыстория.
Отпусти меня,
Евпатория!
2022

Светлане Чернышовой

Человек, уставший от искусства,
Из окна глядит на первый снег.
На прохожих смотрит грустно-грустно
Конченный, по сути, человек.
Проклиная снежную завесу,
Грязь и холод в городе родном,
Он вчера обидел поэтессу
И назвал Прилепина говном.

Первый снег ложится густо-густо –
На кусты, парковку и окрест.
Это лучше всякого искусства,
Лучше всех на свете поэтесс.
Первый снег всегда необычаен,
Он любой снижает громкий тон.
Что же мы в итоге получаем? –
Тишину, как после похорон? –

Тишину особенного сорта –
С белизной автодорожных хорд –
Словно нарисовано и стёрто
Или будто сделали аборт;
Это – как проверенные чувства,
Те, что подведут наверняка!
Человек, уставший от искусства,
Смотрит из окна на облака.

Первый снег идёт вторые сутки,
Обеляя XXI век...
Набирает номер проститутки
Конченный, по сути, человек.
Это – не трагедия, не драма –
Просто мелкий казус и пустяк,
Как не поддержавший Мандельштама
В разговоре с Кобой Пастернак.

Первый снег – всегда великолепен!
Не для всех... Но это не беда.
Так же, как является Прилепин
Не для всех говном... и не всегда.
Поэтесс, освоивших искусство,
Тоже обижать избави Бог!
Но – сказать по чести (безыскусно) –
Их таких – не больше четырёх.

2022

***

Когда я начал умирать? –
Когда закончил молодеть?
Когда бы так – тогда плевать:
Рождённый должен умереть.
А если – нет? А если вдруг –
В тот день, когда увидел свет
И мне открылся мир вокруг?
В котором я – что есть, что нет.

В котором пел со сцены мне
Казак с оторванной рукой:
«Когда мы были на войне!»
Неясно, кстати, на какой? –
Неясно, кстати, почему –
Хоть на войне и не бывал –
Я сам хотел на ту войну!
И не хотел... но подпевал.

Когда я начал умирать? –
Когда подумал: «Ну и вот –
Моя страна – плохая мать –
Страна рабов, страна господ».
И перелома ждал в судьбе,
И пел о собственной жене:
«Я на войне, как на тебе,
И на тебе, как на войне».

Когда открылся мир вокруг,
В котором я – что есть, что нет,
Я осознал, я понял вдруг,
Что шит уже бронежилет,
Который числится за мной.
И наяву, как в полусне,
Я вдруг запел со всей страной:
«Когда мы будем на войне!»

Когда мы будем на войне?

2022

Стансы

I

Вспоминаю себя молодого,
Всех, пред кем в неоплатном долгу:
Как любил я стихи Гумилёва!
Перечитывать их не могу.

II

На Тверской выхожу или Невский,
Как и прежде – никто и ничто...
Сколько в юности дал Достоевский!
И теперь... но не то, всё не то!!

III

Столько выпало связанных звеньев,
Что один остаётся вопрос:
Кто волнует как раньше? – Тургенев?
Например, лишь «Му-му». Но до слёз.

IV

Вспоминаю: лет в тридцать и ране –
Многословный, но с виду простой –
До гражданской до нынешней брани –
Как пленял гуманизмом Толстой!

V

Аргумент, если честно, не веский;
За военной бедой и тоской
Многим больше не выйти на Невский
И уже не увидеть Тверской.

VI

Сколько слов с той поры позабыто!
И мне кажется, что, например,
Я из древнего из алфавита,
Вспоминаю лишь те, что на Херь.

VII

Не пылит – херь бы с нею! – дорога,
Не дрожат – херь бы с ними! – листья...
Подожди – херь со всеми! – немного,
Отдохнёшь – херь с тобою! – и ты.

2022

***

Я умирал у неё на руках,
словно в степи замерзал...
Чуял, как в сердце моём
на коньках –
кто-то круги нарезал.

Путь мой лежал,
как и прежде – далёк,
но – не пойму, как смогла! –
на многолюдный
московский каток
злая судьба привела.

Будто бы выгнала
голым на лёд
и приказала: Терпи!
Думал – простит.
Ожидал, что поймёт.
И замерзал, как в степи.

Слышал, как тихо хиреет хорал
по-над катком
в Лужниках,
где на руках у неё умирал,
на ненадёжных руках.

В этот ли век? –
или, может быть, в тот? –
помню одно – как в бреду:
падает снег с почерневших высот
и исчезает на льду.

Видел гирлянды вокруг,
огоньки...
Там, где не видно ни зги:
чуял, как чьи-то стальные коньки
в сердце сужают круги.

Так или нет? –
или, может, враньё? –
в прошлый ли, в этот ли век –
я умирал на руках у неё,
сам ненадёжный,
как снег.

2022

Заводи

Захотели, чтоб всё как на Западе:
чтобы – клубы, дома,
даже улицы!
Но забыли про русские заводы,
что от рек и озёр
образуются.

Те клешни оторвали и лапы те,
что держали за горло
и за ворот...
Токмо вышло не так,
как на Западе:
в наших заводах иначе плавают.

Были чёрными – сделались синими,
были мутными –
стали пресветлыми...
И не то чтоб на Западе свиньями
все и вся
обернулись конкретными,
просто – с нашей бесхитростной верою –
оказались на них непохожими
нашей жизнью, тяжёлой и серою,
нашей правдой
и ликами Божьими.

Потому и живём обречёнными,
чтоб вовеки
не стали паскудными –
наши синие заводы – чёрными,
а пресветлые – заново мутными.

Ни к чему нам
дома их
и улицы!
Ненаглядные и драгоценные –
от озёр и от рек образуются
наши заводы – благословенные.

И в заоблачном их отражении,
как следы от невидимой поступи,
судьбоносные вижу знамения –
потому что люблю Тебя, Господи.

2022

Начало

«Кружево ражево ляжет на скважину!» –
Кто написал этот радужный бред?
Малоталантливо. Слабо. Неслаженно.
Так начинал я в четырнадцать лет.

Кто начинает, играя фонемами,
Для остального – готов не совсем,
Трансцендентальными мучась проблемами –
Так я пополнил ряды ШРМ.

Как исполнял её? – неубедительно! –
Просто писал (об удаче моля):
Не представлялась тогда унижительной –
Роль моя – боль моя – юность моя.

Словно волшебными шёл галереями,
Не развивал мимолётный успех...
С русскими пил, тусовался с евреями
(Выбрал, как видно, евреев не тех).

Не понимал, что занятие рабское –
Перетруждаться над каждой строкой.
В чистой поэзии есть что-то бабское,
В женской ли, прочей ли... даже в мужской!

Жил с лимитой и гужбанил с моделями:
Тум-бала, тум-бала, тум-ба-ла-ла! –
Тум-балалайка – играла неделями,
Сам не заметил, как юность прошла.

Столько надежд похоронено заживо,
Что возникает вопрос (между тем):
Что там за кружево, что там за скважина –
Ляжет одно на другое – зачем?

2023

Праздничное

Ни того давно
и ни этого:
жили – думали,
что не зря...
Оба умерли
двадцать третьего.
Двадцать третьего
февраля.

Дело делали –
обстоятельно –
словно белочки
в колесе...
И про Сталина –
как понять его?! –
много думали...
Как и все.

Хоть воспой его,
Хоть не пой его! –
Много спорили.
Не сошлись...
Нет про Сталина –
у Самойлова;
а у Слуцкого –
завались!

Оба в армии, –
не филонили.
Еле выжили.
Но с войны,
как пришли домой –
оба поняли,
что стране они
не нужны.

Были, в сущности,
безобидными;
с тараканами
в голове...
Но поэтами
стали видными:
кто в Прибалтике,
кто в Москве.

Ни того давно
и ни этого.
И леса в снегу,
и поля.
Но родился я...
двадцать третьего.
Двадцать третьего
февраля.

2023

***

Спрашиваю маму: почему? –
будто сын
из текста одного,
где папаша
режет ветчину
и не отвечает
ничего.

Нелегко на свете
одному.
Научиться надо понимать:
почему
ушедшие во тьму
не ответят –
ни отец, ни мать.

2024

Живые и мёртвые

Я, как русский корабль –
легкомысленно посланный на хуй –
    что пришёл-победил,
но действительно на хуй пошёл, –
    захожу на Донбасс...
и над степью стою –
    как над плахой.
И по праву – как князь –
претендую на Киевский стол.

В данном случае – я –
    это мы –
навсегда, безвозвратно.
И за вычетом тех,
кто не стал и не станет своим –
    весь народ,
    вся страна –
средоточие электората –
    одного мудака...
но другого – убей, не хотим.

И донецкая степь –
словно наша бескрайняя вера
в то, что мы победим
тех, кто нас называет руснёй.
Мы – как русский корабль.
И волнуется жидобандера,
что мы будем – как в шторм! –
    рассекать их –
волна за волной.

Пусть мы – электорат.
Но без этого электората –
и народ не народ, и страна не страна.

Кое-как
мы ложимся на курс –
неуверенно и виновато.

Но посмотрим ещё –
кто из наших – мудак-не-мудак.

Мы – как сироты. Мы –
притерпелись к несчастьям и горю,
мы – от светлых времён
дотянувшие до роковых...
Мы – военный корабль,
что идёт
по степи, как по морю,
и несёт на себе
наших мёртвых
и наших живых.

2023

***

Труд есть труд – по всей земле –
Без привязки к Первомаю.
Мир как мир – лежит во зле –
Я давно хожу по краю.

За Россию не топлю.
Только чувствую и вижу:
Словно раб, её люблю.
И по-рабски ненавижу.

Кем ни стань и где ни встань –
Вечно будешь иноверцем.
– Ну-ка, выплюнь эту дрянь!
– Если только вместе с сердцем!

Не Кремлю благоволю,
Не Америке, не Польше;
Либералов – не терплю,
Патриотов – ещё больше.

Эти – праздновать хотят,
Те – активно не желают.
Кошка бросила котят.
Почему? – они не знают.

Мир как мир, где труд есть труд.
Все хотят владеть и править:
Те – меня к стене припрут,
Эти – к ней меня поставят.

И тогда признаюсь я,
Что в слова играл, как в цацки:
– Врал я, Родина моя,
Что любил тебя по-рабски!

2023

***

Она сказала: «Да пошёл ты!»
И я заметил – там, где храм –
В соседнем доме окна жолты,
По вечерам – по вечерам.
Названья храма не припомню –
Он за углом был, по пути, –
Как раб идёт в каменоломню –
Вот так и я! – пришлось пойти.

Дорожку выбрал сам такую,
Не стал соломки подстилать:
Послать бы мог тогда любую! –
И до сих пор могу послать, –
Но шёл и слышал, как со счёта
Сбиваясь – словно в полусне –
Недвижный кто-то, чёрный кто-то
Людей считает в тишине.

И в настроении убитом,
Не заходя, попутно, в храм,
Я, человеком тем посчитан,
Пошёл, как нищий, по дворам –
И вдоль реки – до новой встречи –
Пошёл-пошёл – пока могу!..
Она без мысли и без речи
На том смеётся берегу.

2023

***

Мир как будто опустел.
И не то чтоб верил в Бога, –
Только – верить расхотел...
Атеистом стал. Немного.

Или так сказать нельзя? –
Как «чуть-чуть подзалетела»:
Атеистом стать, друзья,
Можно только до предела.

Бьют «Акация» и «Град».
На полях кровавый силос.
Как же надо верить, брат,
Чтобы всё переменялось?

Я не верю, что меня
И – во что бы то ни стало! –
Там, где правит петушня –
Бог простит... как натурала.

Я не верю – если так! –
В то, что мир устроен мудро,
Что любовь не порожняк –
Просто секс и камасутра.

Опустел без Бога мир.
Гуманизм – и тот просрочен.
Трактор в поле – дыр-дыр-дыр –
Мы за мир. Но – между прочим.

Я рождён под кумачом,
Как реальный бэби-бумер.
Не жалею ни о чём
И живу – как будто умер.

2023

Небольшая элегия Сергею Шнурову

– Бабу будешь?
– Бабу буду! –
Начинается куплет.
Русский рок подобен чуду,
В зале – мрак, на сцене – свет.

Нам глаза культурой низкой
Не мозолил день-деньской
Мир мужской и шовинистский,
Шовинистский и мужской.

Ты в нём – царь! Забыв о многом,
В пляс пускаются, поют
Вокс-Бурмистрова и Коган –
Те, что после предадут.

Разве молодость остудишь?
Ты – как все, как молодёжь:
Баба есть – ты бабу будешь,
Бабы нет – о ней споёшь!

Нет давно чекистских чисток,
Но за мат опять гнобят,
И на баб у феминисток
Противоположный взгляд.

Не рассмотришь новых в лупу –
Ни музон их, ни видон...
Зря закрыл проект и группу
(«Группировку»! – миль пардон).

«Ленинград» – бесспорно, скрепа! –
Весь народ объединял;
Так зачем его – свирепо –
Раз – и нет?! Я не догнал!

В этой жизни злой и скотской,
Где потеряны края,
«Ленинград» – он как Высоцкий,
Он для всех – от «а» до «я».

Мэджик пипл, супер-вуду! –
В зале – мрак, на сцене – свет;
Русский рок подобен чуду:
Ты ушёл – и чуда нет.

Ты, конечно, в разных шоу:
Где ведущий, где судья,
Только это – гоу-гоу –
Для старпёров и бабья.

Мы же видим! Мы не слепы! –
Как помалу, день за днём,
Ты становишься – из скрепы –
Говорящим пиджаком.

На вопрос – ответ уродский –
Вот он! – может, всех верней:
Как бы вёл себя Высоцкий,
Доживи до наших дней?

2020

Каре

Никого, ничего впереди.
Все дороги прошёл, все пути –
Поутру ты меня не буди –
Ни вставать не хочу, ни идти.

Я и так замыкаю каре,
Словно старый солдат на смотрю.
Я встаю каждый день на заре –
Не буди ты меня поутру.

Поутру, наводя марафет,
Как с похмелья в театре буффон,
Я бы глупым хотел быть, как Фет,
И таким же прекрасным, как он.

У него – золотые слова,
У него – каждый слог русопят:
Одинокая грезит вдова –
И холодные воды кипят.

Скажут мне:
– Это вовсе не Фет!
И знаток перебьёт знатока:
– Нет у Фета такого как нет!
– Тот же стиль – возражу, – и рука.

Кто у Фета не брал? – погляди! –
И Есенин, и Блок – даже я, –
Кроме тех, кто сейчас впереди...
Поутру не буди ты меня.

Не буди ты меня на заре,
Не гаси поутру, как свечу –
Пусть другой замыкает каре –
Ни вставать, ни идти не хочу.

2023

Вячеславу Гришечкину

Не стыдись того, что сломлен,
Что внутри гнилая слизь...
Ты бескрайним был, огромным,
Мы же помним – не стыдись.

Был возвышенным и низким,
Был таким и был сяким...
Весь ты был Дионисийским
И Аполлоническим.

Был. И вот тебя не стало.
Как в пожаре, как в дыму,
Обречённо и устало,
Пёс скулит в твоём доме.

Экс-коллеги в пароксизме.
Сцена, гроб и пред ним
Весь театр!.. (ещё при жизни
Переставший быть родным).

Лишь в театре – пусть отчасти –
Для актёра – всё равно –
Счастье есть!.. (и нету счастья
В сериалах и кино).

Время в памяти распалось.
Стало нонче как надясь.
Помнишь, роль не удавалась? –
Эка жалость! – не стыдись.

Счастье в жизни – лишь минута, –
Ну, от силы полчаса –
В день, когда ты из приюта
Взял дурашливого пса.

Стал заботиться о звере –
И внутри подсохла слезь.
А жена... с её потерей –
Ты смирился. Не стыдись.

Пса катал, случалось, в лодке,
Баловал и чистил шерсть.
Ну, а умер ты от водки.
Извини. Но так и есть.

Что в итоге? – девять серий,
Где страдая и любя,
Лучший Берия из Берий
Получился у тебя?

Много сыграно, конечно;
Но – весёлое ценя –
Полюбил народ сердечно
Твоего Старокопя.

И за то в краю загробном
Со святыми упокой!
Ты бескрайним был, огромным,
Мы же помним. Бог с тобой.

2023

Причал

Вот причал. Перед закатом
Солнце светит над заливом,
Чайка реет над волнами,
Мы на палубе поём:
«Если хочешь быть богатым,
Если хочешь быть счастливым,
Оставайся, мальчик, с нами –
Будешь нашим королём».

А чего тут оставаться,
Если мы уже приплыли?
И у трапа провожает
Пассажиров капитан.
Никаких инсинуаций!
Никакого «или-или»:
Нам ничто не угрожает –
Пересядем на банан.

Это стоит сорок гривен –
Со спасателем, без гида,
Если с фото – аппарат свой
Надо в лодку передать.
Даже если хлынет ливень –
Не показывая вида,
Мы помчим по этой блядской
Акватории опять.

Над седой равниной моря
Ветер тучи собирает.
Между тучами и морем
Я – писатель ноунейм –
Полечу, не зная горя,
Рядом с той, что понимает,
Чем закончится лав стори
Под тараньку и портвейн.

Наш банан по волнам скачет –
Сверху синяя пустыня,
Снизу синяя дорога,
Синий ветер посреди.
Имя очень много значит.
Очень много значит имя.
Имя значит очень много.
Что тут скажешь? – Не звезды.

В синем море, в белой пене
Пусть сильнее грянет буря,
Чтоб у нас возникли траблы –
Лишь бы не было войны! –
Жизнь скучна без приключений.
Нам ли плакать, негодюя? –
Наши слезы – только капли,
Капли в море не видны.

Но без имени – поплачешь,
Тело жирное в утесах
Пряча, словно глупый пингвин,
Как гагары гогоча.
Ведь – как ноунейм – не значишь
Ничего в любых вопросах:
Сам себя куда ни выдвинь –
Не прокатит, ЕВПОЧЯ.

Наш банан своим маршрутом
По волнам зеленоватым
Притормаживает – то есть
Всё, приехали, слезай.
В этом мире стебанутом,

На курорте плоховатом,
Ты меня с утра на поезд –
Не ходи, не провожай.

– Уезжаешь?

– Уезжаю.

Не реви, прими как данность.
Разливай по рюмкам «Балчуг»
Или что там – «Слънчев бряг»?
Всё, всё, всё – не возражаю! –
Если хочешь – я останусь,
Словно тот сбежавший мальчик, –
Я же сам себе не враг.

В жизни, прожитой негласно,
Средь других таких и прочих,
Есть свои святые даты,
Как и в той, что на виду.
Будет всё у нас прекрасно.
Будет всё, как ты захочешь.
Будет всё! Пока жива ты,
И пока что я не у.

2014

Отец и дочь

(Дочь)

I

Как говорил поэт:

  над I должна быть точка, –
Купив роскошный flat,
  где поселил семью.

Там мальчик-прибамбас
  и девочка-примочка

Делили по ночам
  под окнами скамью.

Он руки целовал,
  как полагалось, даме,

Но никогда не лез
  с последней прямотой,

Был май или июнь,
  и поливал хуями

Сосед Иван Кузьмич,
  не пущенный домой.

Округлая луна
  светила над скамейкой,

Чего тебе еще?
  не тронут, не убьют.

Он русским был,
  она была полувеврейкой,

Она прочла Завет,
  он прочитал Талмуд.

Неровная трава
  сквозь глинозём газонов

Торчала там и сям,
  напоминая ворс.

И пел через подъезд
  водопроводчик Дронов

Про степь да степь кругом,
  покуда не замерз.

Печаль всегда светла,
  иное приукрасим,

И слезы на цветах,
и в дымке млечный путь,
В садах цвела сирень,
и воздух был прекрасен,
Как говорил поэт:
ни пернуть, ни вздохнуть.
Лилась простая речь
без грубых постулатов,
Интимный говорок
в прозрачной темноте:
Ему по кайфу Джойс,
ей нравится Довлатов,
Он любит Faithnomore,
ей ближе ДДТ.
Ночная тишина.
Ахматовская строчка.
В округе не сыскать
ни принца, ни жлоба.
Он – педик из МГИМО,
она – поэта дочка,
Им жить бы поживать,
да, видно, не судьба.

(Отец)

2

Двух станов не боец,
но несомненно ратник
(Из тех кого узнать
легко по бороде),
Мне говорил в сердцах
один шестидесятник:
"Все хамы и козлы –
спасение в стыде".
И усложнялась речь,
и дело шло к запою,
Он говорил еще,
собой по горло сыт:
"На свете есть борцы!
Пришел конец застою!

Спасение в стыде,
но он давно забыт!"
Я думал о другом.
О чем – сейчас не помню.
Ах, кажется, о том,
как сборник назову.
В политику спустясь,
как раб в каменоломню,
Он много говорил.
Вот абрис рандеву:
"К чему писать стихи?
Не ведаю.
Не знаю.
Зачем листы марасть
распада посреди?
Везде одни скоты,
и предан стыд,
как знамя,
Бесстыден этот мир,
как суку ни стыди".
Усиливался крик
и углублялись вздохи,
Я представлял, как он
стоит,
вплетен в строку,
Продукт своей страны,
продукт своей эпохи,
Завернут в целлофан,
с ценою на боку.

1994

***

Какая разница, какая под нами вертится земля?
Нас примет родина чужая. Поймёт и примет. Буду бля.

Весь преисполнен мрачных мыслей, с тяжёлой сумкой на ремне,
С Отчизной я простился. Мы с ней расстались дружески. Вполне.

Нас до вокзала вёз бомбила, не затыкая помело,
И всё, что было, было, было – оно, как водится, прошло.

Так, подустав от русской ебли, бежал от Муз я и Харит:
поэт цепляется за стебли, когда над пропастью висит.

Своё по полной отработав еще на стыке двух веков,
Достали игры патриотов и либеральных пидарков.

И стало жить невыносимо, всегда под лозунгом одним:
«Другие – дым, я – тень от дыма, я всем завидую, кто – дым».

Но здесь – такой же ебаторий, лишь только с разницею той,
Что за порогом дышит море – арбузной коркой и гнильцой.

Жить будем здесь! Без сожалений, для звуков сладких и молитв;
На весь остаток сбережений и на текущий депозит в

Амбициозном укр-банке и ждать, что с гривной упадём
На самостийные коленки пред укрепившимся рублём.

Даст бог, и нам не выйдут вилы от двух финансовых систем.
А нет, так здешние бомбилы нам скинут цену. Без проблем.

Они стоят на перекрёстке, где по ночам, «у фонаря»,
Гуляют местные подростки, всем внешним видом говоря,

Что им без разницы, какая под ними вертится земля;
Стоят, молчат, понять давая, что знают, кто здесь будет бля.

2011

Славе Цукерману

(режиссеру фильма «Жидкое небо»)

На стыке двух культур – культуры никакой,
Всё вывезено лучшее отсюда.
И вот твоя строка, не ставшая строкой
В реестре прочих строк, ни Торы, ни Талмуда,
Бросается в астрал, кончается тоской,
Расцветенной по грудь огнями Голливуда.

В остаточной связи, на разных полюсах,
По эту и по ту реалию стакана,
Когда звучит рояль Бетховеном в кустах
И капает вода из сорванного крана,
Отчётливо паря на девственных листах,
Рождаются слова Великого романа.

Великого? Уволь. Пройдя по косяку
Бессмертия, на борт пустыми вынуд сети –
Не потому, что, мол, плохому рыбаку,
Как трепетной мадам, не любящей при свете...
Скорее, – как тебе напишут на веку,
Оно так и пойдёт – рядком по киноленте.

Выходит, так и есть: Вселенная – бордель,
Космический притон для спермовыжималок,
Лесбийская стезя... Но всё же – неужель
У прилетевших к нам (для пересчёта палок),
Мелькнувших в облаках, раскрашенных под гжель, –
Божественный инстинкт, как наш, угрюм и жалок?

Покуда не зажглась заштопанная ткань
На облаке души, в штанах ли, без штанов ли,
Не свой видеоряд попробуй раздербань, —
А таинство любви, лишённой сна и кровли,
Которой всё равно необходима дань
Сердечного тепла – в разгар порноторговли.

1992

Александрю Кабанову

Здесь день за днём проходит, словно в сказке,
И волны, взяв купальщиков в тиски,
Заносят их, орущих по-еблански,
За волнорез и ржавые буйки.

Желая жить духовно, не по-свински,
И рифмы подбирая на ходу,
Отсюда убежал поэт Сельвинский
В каком-то незапамятном году.

Но здесь не бездуховный и пидовский,
Нудистский и кислотный Симеиз, –
Тут выступал в курзале Маяковский! –
Читал стихи про Ленина на бис.

Пускай пейзаж до боли одинаков:
Дома, песчаный берег, облака, –
Здесь побывал у родичей Булгаков
И написал рассказик для «Гудка».

Когда брожу один средь горлопанов
И жду, когда закончится сезон,
Мне здесь везде мерещится Кабанов,
Хотя отсюда далеко Херсон.

Здесь каждый сантиметр на пляже продан,
Но всё равно: «Пожалуйста за вход!»
Кабанов – нет! – он не отсюда родом
И, к сожаленью, в Киеве живёт.

Хоть здесь не украинская столица,
Но облака над городом тихи.
О небо, небо, ты мне будешь сниться,
Как иногда Кабанова стихи.

На днях, боясь, что буду дурно понят,
Я вышел в Сеть с писанием одним...
Он мне в ЖЖ оставил добрый коммент,
Но в переписке мы не состоим.

Он в этом весь. Таким его запомни!
(Отзывчивым, воспевшим анашу...)
Он не пришлёт из Киева письмо мне,
Я из Москвы ему не напишу.

Но всё же нас, оправдывая риски,
Роднит язык – надёжа и оплот.
Я здесь живу как хер евпаторийский (!),
А он как хер херсонский не живёт.

Поднаторев в издании журнала,
Который здесь не купишь никогда,
Он вызывает откликов немало;
Я помню, случай был тогда, когда

Ему пришлось в Колхиду прокатиться
На фестиваль поэзии... И тут,
Его назвали сразу – Кабанидзе,
Меня, бывает, Жукманом зовут.

Но это всё, я думаю, от скуки,
От неумения пить, курить траву...
Москва, Москва, как много в этом звуке!..
Как он Херсон, покинул я Москву.

Когда мы в мир шагнем потусторонний, –
Быть может, на последние лавэ, –
Ему воздвигнут памятник в Херсоне.
Мне не поставят даже бюст в Москве.

...Весь горизонт окутывает дымка,
Но облака над городом светлы.
Кого забыл? Ах, Леся Украинка! –
Нехай о ней балакают хохлы.

Я здесь живу. Пишу, стихи слагаю,
И к морю всякий раз иду, когда
В саду горит прекрасная звезда,
Названия которой я не знаю.

2011

***

*Наш роман с тобой до полуночи,
Курва здешняя, коридорная.*

А. Галич

Чьи-то лица припомнятся,
Кто-то ближе подвинется, –
Это просто бессонница
И чужая гостиница.

Как жила? Припеваючи?
Не в особом экстазе ведь.
Расскажи мне о Галиче,
Если сможешь рассказывать.

Может, все перемелется,
Может, снова навалится –
Не вдова, не изменница.
Не дала... Что печалиться?

Не княжна, не снегурочка.
Светит тусклая лампочка.
Ты ждала его, дурочка?
Не воротится, лапочка.

1989

***

Все равно: что Кресты, что Лубянка, что Тауэр –
все равно, как марается мысль на устах моралиста.
Это, малоизвестный в России,
выходит на венскую сцену Брандауэр,
никакого уже не играя Мефисто.

Повстречать человека труднее, чем бога, но вымолвить
имя Бога бывает порою намного сложнее,
когда видишь вокруг то, что видишь –
твердишь о богах, что они, мол, ведь
не имеют имён и не сходят в Элизиум наших теней.

Только сцена, огни и подобие Гамлета, –
не того, что в трагедии вывел когда-то Шекспир,
а того, о котором судить не приходится нам,
да и нам ли то
обсуждать, как Брандауэр образ его воплотил.

Говорят – ничего. Но на фоне тюремного задника
и у нас неплохие играют роли поднесь.
И хоть мы родились и умрём
под копытом у Медного Всадника,
но и в каждом из нас, может статься, от Гамлета
что-нибудь есть.

1991

Гомерическое

1

Был я в стране фараонов прошедшей весной,
Жил без подруги в стандартном трехзвездном отеле,
Ездил в пустыню осматривать быт бедуинов,
Там же скакал на верблюде и пил каркаде;
Плавал по Нилу, стоял на корме под луною,
С дурой одной познакомился родом из Гжели,
С той, что мои приставастья под утро отринув,
В тесной каюте моей заблежала биде.

Лазил и я по разрушенным храмам Луксора,
Ездил в Каир под охраной двойного конвоя,
Не ощущая по глупости тайного страха,
Месяца зА три до террористических бед;
Видел, как немки с арабами сходятся спору,
(Немка одна, а арабов, как правило, двое...),
В эти дела не вторгается Воля Аллаха,
Здесь закрывает глаза сам Пророк Магомед.

Но, несмотря на волшебное Красное море,
Хомо-советикус, переродившийся в хомо-
Капитализмус, порой вспоминает сердечно
Крым благодатный, давно уже посланный на...
Сколько же раз пожалел я – о горе мне, горе! –
Что «самовар» свой оставил – несчастный я! – дома,
Якобы в Тулу поехав, какою, конечно,
Быть не была и не будет – чужая страна.

2

Перемещаясь один, словно перст по планете,
Тысячи миль впопыхах, как попало, покрыв;
Встретив рассвет черт-те с кем, в расставании скором
Растиражировав свой тут и там поцелуй:

Будем как Солнце, как Боги, как малые дети;
Подростерявши себя в череде директив,
Литература давно уже стала декором,
Вера, Надежда, Любовь – превратились в фен-шуй.

3

Был я три года назад в первомайском Берлине,
Унтер ден Линден прошел пешкодралом, как наши
В славнопобедном и памятном нам сорок пятом,
Не посетив ни одной для туристов пивной:
Местных девиц перепутать легко с «голубыми»:
Геи и те одеваются лучше и краше.
Впрочем, во мнении этом довольно предвзятом,
Не одинок я, тому сами немцы виной.

Что я о немцах-то всё: немцы, немки... – голландцы!
Вот у кого демократии задран подол...
Был и у них я – курил ганджубас в кафе-шопе
В красноквартальном и велосипедном раю;
Здесь все имеют практически равные шансы
Лапать друг друга за зад, невзирая на пол,
Так что мужчина, идущий по улице в топе –
Это нормально... и рифмы не будет, мой друг.

Начал с Египта – заканчивать надо Парижем,
У Букинистов, как мессу, весь день отстояв...
За светофором, где Эйфеля реет громада,
Неописуем реки развернувшийся вид.
Здесь не отмажешься мелкой заботой о ближнем:
Нищий, пустой демонстрируя людям рукав, –
Смотрит мне вслед из ворот Люксембургского сада,
Словно на мальчика в шортах – седой содомит.

4

Вера, Надежда, Любовь... только порваны связи
Между отчизной твоей и тоскою моей;
Мне ли, принявшему жизнь, как смертельную скуку,
Без ощущения правды искомой внутри,
Двигаться дальше, из грязи в безродные князи,

Выйти пытаюсь, как из лабиринта Тесей?
– Вальс начинается. Дайте ж, сударыня, руку,
И – раз-два-три,
    раз-два-три,
        раз-два-три,
            раз-два-три.

2007

Эпитафия

Души наших зверей будут ждать нас, дурных.
Кто среди них иудей? Эллин кто среди них?
Людам – ад или рай. Звери замерли тут...
Им нельзя через край. Люди там их не ждут.

2015

***

Наверное, старость, что вспомнить решил
О даче, о детстве, о лете.
Я с местными, помню, гулял и дружил –
Чудны деревенские дети.

За медленной речкой простор голубой,
Поля насаждений аграрных.
Мы – дети. Мы лазаем всюду гурьбой
И ходим в совхозный свинарник.

Я помню тот сельскохозяйственный быт,
Сходящий на нет постепенно:
Коровник заброшен. Курятник закрыт.
В канавах навоз по колено.

На Нечерноземье полнейший развал
В его экономике хлипкой.
Но жили ребята – и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Играли в индейцев и в Афганистан
В угожьях совхоза «Менжинец»,
И бегал за нами, скакал по пятам
Домашних животных зверинец:

Дворовые кошки, собаки, коты, –
Кто сдуру к нам под ноги вылез;
Мы брали их в плен и таскали в кусты,
Где – лучше б они не родились!

Известно, что дети – извечное зло;
Мы сами об этом не знали...
О пытках, конечно, и речи не шло,
Но – тискали, мучили, мязли.

И Мурка, и Берег, и Пуля, и Рекс
Терпели, – кто пикал-не пикал, –
Покуда один не приехал к нам кекс
Из Икши, на время каникул.

Я помню то лето, тот месяц. Тот год
Оставил свинцовый осадок.
У Мурки тогда появился приплод –
Клубок разношёрстных котят.

Я был из ребят самым младшим в гурьбе,
Не знал ни порядков, ни правил...
Тот кекс поначалу был сам по себе,
Что быстро в дальнейшем исправил.

В ребячьих забавах, похожих на бой,
Обид предостаточно кровных.
И вот мы однажды забрались гурьбой
В заброшенный старый коровник.

Тот икшинский кекс походил-побродил
Средь автокормушек и бочек,
И вдруг под одну пятерню запустил
И вынул пищащий комочек.

Он чуть помяукал, потом замолчал,
И замер в руке без протеста.
От Мурки котёнок. Но как он попал
В такое пропащее место?

Рисуясь, тот икшинский крикнул: «Ага!»,
Котёнка вертя перед всеми, –
«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время!»

Я даже не понял, что эти слова –
Цитата из школьной программы...
Но видел, как бьётся в руке голова
С раскрытыми в страхе глазами.

Как будто сработал условный рефлекс:
Свободной рукой, по сноровке,
Достал из кармана тот икшинский кекс,
Моток эластичной верёвки.

Широкою быстро связали петлю,
Котёнку на горло надели...
Мне вдруг наяву показалось, что сплю...
Вокруг совещаались, галдели...

Ещё поразил удивительный факт, –
Я, можно сказать, обезумел, –
Когда нацепили петлю на косяк,
Котёнок – не сдался, не умер:

.....
Когда добивали камнями его,
Я, сорванным голосом, тонким,
«Не надо! – кричал, – ну зачем, для чего?!»
И плакал потом над котёнком.

Наверное, старость. Моральный износ.
Простите, как бзик и причуду.

.....
Пусть я умру под забором, как пёс,
Но этого я не забуду.

Wunderwaffe – 1

Я не знаю что такое,
Но предчувствую войну.
Ходят кони над рекою
По коровьему говну.
Тень наводит на плетень
Мировая хуетень.

Мы ведь всех предупреждали! –
Вы не слушали, и нам
Опосля в рояль насрали.
Вот и вышло: трам-пам-пам.
Слышишь, Запад, не психуй:
Вы нам – хуй. И мы вам – хуй.

Но и раньше – было всяко,
Не сказать, что гладь да тишь:
Ты ж, как злобная собака,
Лез и лез к нам... Запад, слышь? –
Хватит строиться свиньёй
На виду и за спиной.

Не оправдывая риски,
Кривоногий и хромой,
Веет дух милитаристский
В паре с ядерной зимой.
Из окопов – дым и вонь;
Над рекою ходит конь.

Вся Европа встрепенулась,
Будто стукнулась о дно,
И пошла, не оглянувшись –
Сука, блядь, пизда, говно.

Не корми военных хлебом,
Дай нарушить наш покой.
Но пока – под мирным небом
Ходят кони над рекой.
2018

***

Властитель земли собирает –
    ёксель-моксель –
по эту сторону и ту...
Толпа чиновников встречает –
    вот зараза! –
его на Крымском на мосту.

Чтоб знали все и понимали, –
    без исключений, –
что мы сторонники добра,
ребят всех в армию забрали –
    ~~*на два года*~~
    только на год –
гип-гип властителю ура!

Он погружался в батискафе –
    под охраной,
    в Балаклаве, –
на истребителе летал
и промо-ролик с вундерваффе –
    очень страшно,
    даже слишком –
Земному шару показал.

Когда его, на самом деле, –
    через жопу,
    но реально, –
избрали лидером своим,
на небе ангелы запели:
    рамамба хару
    мамбуру! –
и затянули люди гимн.

Он окрылён четвёртым сроком –
    очень сильно,
    чуть не плакал, –

но как-то плохо объяснил,
что ищет он в краю далёком,
воюя с бандами ИГИЛ?

Когда низы довольны верхом –
большей частью,
по подсчётам, –
живёт в согласии страна.
(Читатель ждёт уж рифмы стерхом –
задолбали!
сколько можно? –
возьми, читатель, вот она!)

Пускай при нём не та свобода –
сикось-накось,
крест на пузе, –
зато народ при колбасе.
Вот только жаль, что из похода –
без сомнений,
очевидно, –
домой воротятся не все.

2018

***

Откуда в памяти – невесть,
Но – кстати! – может всплыть:
Мир должен быть оправдан весь,
Чтоб можно было жить.

Чтоб жить свободно, например,
На воле и в тюрьме –
Про это, скажем, весь Бодлер,
Верлен и Малларме.

Но если весь, то вот вопрос:
Тогда – и всякий раз –
Оправдан будет каждый поц
И каждый пидорас?

У нас Некрасов – не о том;
И Пушкин, и Толстой
Об оправдании таком
Сказали бы: отстой!

Для нас (хоть мы уже не те)
Без скидок на талант,
Любой адепт ЛГБТ –
Маньяк и девиант.

Порой, не зная что почём,
Зайдёшь на порнохаб –
И, не оправдан, но прощён
Весь мир – за голых баб.

2018

***

Я давно оторван от народа –
Там, где он, давно я не был с ним:
Каждый день на проходной завода
Или по замызганным пивным.

И не то чтоб праздника Победы
Я как либерал не разделял, –
(Пусть добавят это жуковеды
В диссертационный матерьял), –

Просто, невзираючи на лица,
На поход Бессмертного полка,
Мне с народом воссоединиться
Не даёт упрямство мудака.

Железобетонное упрямство,
Что твердит и спрашивает, – как? –
Мы сумели заново вписаться
В только что законченный блудняк?

Дураки всё те же и дороги;
Стал чуть разговорчивей конвой;
Мы стоим, как прежде, на пороге
Не чеченской – Третьей мировой.

Это, знамо, гадит англичанка;
И народ, не занимая сил,
Так живёт, как будто бы из танка
Даже по нужде не выходил.

У него иные эмпирии:
Наш народ, в отличие от меня,
Знает, что кругом одни евреи, –
Если не евреи, то чечня.

Я надеюсь, кто-нибудь найдётся,
Кто-то скажет мне когда-нибудь:
«Без тебя народ наш обойдётся,
Уходи, уйди, ещё побудь».

Это, среди прочих ситуаций,
Жуковедам в общую тетрадь
Или на страницы диссертаций
Не рекомендую добавлять.

Потому что эти, типа, грёзы –
Пострашней, чем взять да написать:
«Я умру в крещенские морозы» –
И реально в них концы отдать.

Это – как на сцену выйти голым,
Выйти и сказать в народ, любя:
«Ты, конечно, без меня не полон,
Но и я не полон без тебя».

Говорят, в семье не без урода, –
Даже на заводах и в пивных
Больше нас и больше год от года
По любым подсчётам. И без них.

Потому на празднике Победы
Посреди Бессмертного полка –
Пусть запишут это жуковеды –
В этот раз пойду наверняка.

2018

***

А что ты, собственно, хотела, когда покинула Сибирь?
Сезон в Крыму – такое дело – здесь свой устав и монастырь.
Всего за две-за три недели не переделаешь судьбу.
Сезон в Крыму, на самом деле, из местных всяк видал в гробу.

Туроператор сэкономил и поселил, ломая кайф,
В плохой отель, где смежный номер сняла крикливая секс-вайф.
В родном краю – полгода стужа, а здесь, в условиях других,
Секс-вайф живёт одна, без мужа, но принимает в день троих.

Сезон в Крыму, конечно, экшн. Не вышел ростом и лицом,
Но смотрит пристально ресепшн – подлец по виду подлецом.
Ещё один – из персонала – тут, говорят, – «гроза вагин».
Тебе такое не пристало! да и, наверно, не один...

Внизу, под окнами, в курзале певец затянет молодой:
«На поле танки грохотали, солдаты шли в последний бой».
По направлению к закату, – другой, усевшись на скамью:
«Враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью».

Патриотические слёзы подступят к горлу, но пройдут,
Когда в столовой типа позы на типа ужин подадут.
А что ты, собственно, хотела? – исхода нет, всё будет так:
Россия, звёзды, ночь расстрела и весь в черёмухе овраг.

2019

Саше Ивашнёву

Мы стали добрее с годами –
И сглаживать стали углы;
Орлы не летают стадами,
Но парами могут орлы.

Ты часто волной перегара
Встречаешь друзей и подруг,
И в этом с тобой мы не пара,
Но не обижайся, мой друг.

Я жил не тужил, словно в сказке,
Средь рейверов и говнарей;
Теперь двадцать лет, как в завязке,
И ты завяжи поскорей.

Другие, что не поспешили,
Смешались с землей и травой,
Деревья остались большими
Над их темнотой гробовой.

Не надо, вину отрицая,
Себя же цитируя, врать
И мне говорить: «Не бросаю,
Зане не умею бросать...»

Достаточно жить, причитая
(Зачем это, кстати, «зане?»):
«Ты девочка, в общем, простая,
Поэтому нравишься мне».

Простых не удержишь и сложных;
Как друг и реальный пацан, –
Из всех вариантов возможных
Давай-ка, завязывай сам.

И может – Бог даст – постепенно
Стихи потекут в тишине;
Я помню, как ты вдохновенно
Задумывал цикл о говне...

Завяжешь, тогда и напишешь,
Стихами опять заживёшь,
И полною грудью задышишь,
И новую форму найдёшь.

2019

Елене

С таким лицом, лучась,
восходят на престол
и смотрят на полки
военного парада;
но если предложить,
то Заверниподол –
типичный персонаж
комедии «Всемирада».

С таким лицом летят
на страшных скоростях,
выкручивая руль
в салоне Порш-Кайена;
но поищи её
аккаунт в соцсетях
и обнаружишь ник:
Елена на два члена.

С таким лицом винят
и делают бо-бо,
и совершают вдруг
ужасную измену;
точь-в-точь с таким лицом
писал Артюр Рембо
свою Венеру
Анадиомену.

2018

Бедные люди

1

В день, когда кончилось всё в холодильнике
и опустели все
полки на кухне
и часть стеллажей в кладовой,
я, захватив кошёлёк
и проверив наличие
паспорта
во глубине пресловутых (широких) штангин,
вышел во двор,
закурил
и уверенно двинулся
в сторону двух близлежащих торговых сетей.

Летний асфальт, под ручьями
и мутными лужами,
после дождя
не везде мне
пройти позволял.

2

Первая сеть,
если верить рекламе навязчивой,
будучи лидером мультиформатных продаж,
дверь предо мной растворив
и охранника выставив,
в секциях весь и отделах раскинула зал.

Принадлежа к поколению тех, кто "при Брежневем"
жить начинал и в умеренной строгости рос,
я, несмотря на теперешнее изобилие
и на расширенный ассортимент несмотря,
помню ещё
продавщиц за пустыми прилавками,
драки у касс

и стояние в очередях.

Но, обойдя второпях все отделы и секции,
линии все и ряды кое-как обежав,
будучи множеством яств и товаров обрадован,
ценами я
не остался доволен вполне.

Данная сеть, полагаясь на разнообразие,
но без учёта святого понятия "дисконт",
кем-то была внесена в наш район непродуманно -
без понимания здешних насущных проблем.

Недалеко от промзон и заводов живущие,
некогда бывшие солью советской земли,
нынче в такой магазин
заходить за покупками
местные люди
не могут позволить себе.

3

Первую сеть покидая без тени сомнения
в том, что по ценам таким торговать здесь нельзя,
я, огибая фасад,
перешёл через улицу
и с возмущением выбрался к сети второй.

Сеть номер два, не пленя красою витринною,
разнообразием и чистотой не блеща,
мне, предоставив тележку
с отбитым колёсиком,
в мир уценённых товаров с порога ввела.

Пересекая развал, где трансгенные овощи
с фруктами рядом в картонных коробках лежат,
я, за пакетом пакет
заполняя старательно,
к девушке, что у весов замерла в ожидании,
с битой тележкой борясь,
впопыхах подкатил.

Девушка с надписью красноречивой на бейджике:
"Нипиздурдарова Баасыма Бадрия",
    через плечо посмотрев,
указала мне пальчиком,
    что
    вслед за чем
на весы перед ней положить.

Напоминая лицом и прической с кудряшками
    заговоривший по-русски фаюмский портрет,
девушка мне на "спасибо" сказала "пожалуйста"
    и замолчала, как будто чего-то ждала...

Глядя на бейджик её,
    я подумал скептически:
"Всякая женщина – зло, но бывает хорошою
    или на ложе любви,
    или на смертном одре".

4

Будучи сам не из тех, кем рулит ксенофобия,
    но и "гостей" без особых причин не любя,
девушку я
привлекательной счёл
    и почувствовал,
что с любопытством
    взглянула она на меня.

Пересчитав в кошельке все купюры
    и мелочь всю
и убедившись, что хватит на то и на сё,
    я вдоль рядов
к отдаленному выходу двинулся,
анализируя брошенный девушкой взгляд.

5

Не доезжая до касс и о девушке думая,
    сам не заметив, как сбавил уверенный шаг,

я оглянулся (как будто невольно, нечаянно),
но не нашёл только что за весами стоявшую
Нипиздурдарову Баасыму Бадрию.

В тёмном углу,
    между тем,
    на расшатанном стульчике,
облокотившись плечом
    на обшарпанный стенд,
недалеко от весов
    прикорнул без стеснения
в грязной спецовке, худой и небритый субъект.

– Где мне найти за весами стоявшую девушку? –
я,
растолкав его,
    бесцеремонно спросил.

Если по виду судить, завезённый из Азии
    или приехавший сам, чтоб трудиться и жить,
он указал мне кивком на большую открытую,
за морозильной витриной, железную дверь.

6

В зале оставив тележку,
    я медленно двинулся
в сторону, что указал мне
    небритый субъект.

7

За морозильной витриной, набитой пельменями
    и равиолями нескольких форм и сортов,
я повернул и в открытую дверь безбоязненно,
словно работаю здесь, деловито шагнул.

По коридору слонялись две полные женщины;
в фартуке,
    их огибая,

прошёл мужичок...

Вглубь магазина пройдя
и свернув к дебаркадеру,
где под разгрузкой стоял с Кока-колой КамАЗ,
я обнаружил курящих во дворике девушек
и на бордюре сидящую Баасыму.

Как бы разительны ни оказались различия
меж москвичом и в столицу приехавшей ей,
сколько бы сил ни ушло
на их преодоление,—
тяга к прекрасному (и молодому) сильнее.

8

Переступая по лестнице,
я с дебаркадера
наземь спустился
и к Баасыме подошёл:
— Кажутся скромными все азиатские девушки,
как бы проверить, что это действительно так?..

Далее можно открыть "Лисистрату"
на сцене той,
где к взбунтовавшимся женам
приходят мужья, —
только с учётом, что Аристофану приделали
вместо счастливого
трагикомичный финал.

— Я никогда не даю телефон покупателям, —
выслушав пару моих откровенных любезностей,
мне без эмоций ответила Баасыма.

Стайка девиц с сигаретами, рядом стоявшая,
вдруг загудела, как улей, бессовестно пользуясь
тем, что понятия
не получится их у меня.

Часто, ругая приезжих за необразованность,

мы упускаем из виду их знание русского,
не понимая ни слова из их языка.

Так-то оно, разумеется, так...
но, по совести,
больше меня взволновало
и больно обидело
то, что в гудении девушек
часто проскальзывал
наш,
ни на что не похожий,
отчетливый мат.

Сам не являя собой образец добродетели
и не чураясь отнюдь непарламентских слов,
я и представить не мог, что восточные женщины
так беспрепятственно могут
и целенаправленно
впитывать бранную лексику и применять.

9

По коридору шарахаясь, я,
как оплеванный,
выскочил в зал,
но тележки своей не нашёл.

.....

– Баасыма не дает телефон покупателям, –
выйдя за мной на крыльцо,
объяснил на прощание
в грязной спецовке
худой и небритый субъект.

В этом районе прожив лет пятнадцать,
как минимум,
и отмечая приезжих возросший приток,
я наблюдаю давно,
как, простые и скромные,
в наглых и злых

превращаются быстро они.

Напоминающий Будду в момент медитации,
но с удивительно высокомерным лицом,
руку засунув на грязной спецовке меж пуговиц,
он мне поведал,
что Баасыма Бадрия
часто бывает не так щепетильна и сдержанна
в плане контактов и малопристойных знакомств.

Также ещё он сказал, что их сеть магазинная
и покупатели, что посещают её,
в силу своей невысокой платёжеспособности
неинтересны как девушке Баасыме.

Стоя столбом на крыльце у дверей супермаркета,
я не заметил, как непроницаемым сделался
и почернел от нахмуренных туч небосвод.

Небо разрежала молния;
с первыми каплями
воздух сотряс
и наполнил
раскатистый гром.

2009-2019

По первой строке

«А был ли мир – как май и труд...»	14
«А что ты, собственно, хотела, когда покинула Сибирь?..»	232
«Бабу будешь?..» (Небольшая элегия Сергею Шнурову)	201
«Бабы. Водка. С корабля на бал...» (Весенняя элегия)	172
«Белый день заштрихован до неразличимости черт.»	70
«Был я в стране фараонов прошедшей весной...» (Гомерическое)	219
«В день, когда кончилось всё в холодильнике...» (Бедные люди)	236
«В облаках, без солнца снулых...»	138
«Весь этот мир порнографический...»	88
«Весь я Крым прошёл-изведал...»	151
«Ветер с моря. Озеро Мойнаки...»	75
«Вечно – гол как сокол...» (Дорожное)	74
«Властитель земли собирает...»	227
«Вот причал. Перед закатом...» (Причал)	206
«Все народы, как уроды!..»	180
«Все равно: что Кресты, что Лубянка, что Тауэр...»	218
«Вспоминаю себя молодого...» (Стансы)	186
«Выпили 0,8...»	92
«Где подрались скинхед и хачик...»	73
«Где старая дачка – в канавах камыш...» (Собачка)	146
«Гелий и водород. солнышко догорит.»	68
«Голос, словно в церкви, просветлённый...»	12
«Гори оно все синим п. кругами по воде.»	32
«Давай не видеть мелкого...» (Переделкино)	159
«День как день, только ты не в ударе – заплутал словно свет в зеркалах...» (Контркультурное)	53
«Души наших зверей будут ждать нас, дурных...» (Эпитафия)	222
«Ей дали роль занудную – как будто на позор...»	118
«Ему, назвавшему Москву...» (Марку Шатуновскому)	133
«Если всё предрешено, мы не вырастем большими...»	125
«Живи – как царь, живи один (Стансы Диане)	163
«Жизнь полна тоски и мрака...»	109
«Жизнь ушла на покой под известным углом.»	60
«Заболев, я думал о коте...»	29
«Забористой вина бывает только – речь...»	71
«Загулял.»	174

«Закат в киммерии. над городом пыль...»	25
«Заснул сосед уже, любитель сейшенов...» (Московский роман(с))	61
«Захотели, чтоб всё как на Западе...» (Заводи)	190
«Звёзды ночью, словно бисер...» (Иван да Марья)	103
«Здесь день за днём проходит, словно в сказке...» (Александрю Кабанову)	214
«Идут по вип-персонной...»	96
«Из того, что обрели...» (Грустные частушки о 90-х)	176
«Каждый поэт...»	178
«Как бы память обрезать, размыть?..» (Жить)	150
«Как говорил поэт...» (Отец и дочь)	209
«Как при входе в Новодевичье...» (Кладбищенская элегия)	26
«Какая разница, какая под нами вертится земля?..»	212
«Какую тебе ещё, нахуй, свободу?..» (Сибирякам)	87
«Катафалк – в итоге – данность...» (Ехегі monumentum)	131
«Когда в сознании пологом...»	116
«Когда меня не станет на земле...»	106
«Когда она в церковь впервые внесла...» (Библейский блиц)	47
«Когда с откляченной губой, черней, чем уголь и сурьма...» (Баллада)	7
«Когда строку диктует чувство...» (Дачное)	101
«Когда я гуляю по зимнему парку...» (Крымский текст)	120
«Когда я начал умирать?..»	185
«Который год в тюрьме моей темно...»	99
«Кружево ражево ляжет на скважину!..» (Начало)	192
«Кто тверёзый, кто набуханный...»	142
«Литинститут. Парадный вход.»	136
«Мир как будто опустел.»	200
«Может, дела нет важней на свете...»	23
«Мой кот не знает, что умрёт.»	27
«Мы стали добрее с годами ...» (Саше Ивашнёву)	233
«На курке держали палец...»	117
«На пешков-стрит (теперь Тверская) ...»	42
«На пределе звука, в ангельском строю...» (Колыбельная для Оксаны)	17
«На стыке двух культур – культуры никакой...» (Славе Цукерману)	213
«На улице алкаш одет не по погоде.»	72

«Наверное, надо пояснить...» (О стихах)	128
«Наверное, старость, что вспомнить решил...»	223
«Надоело нить...»	182
«Напечатай меня еще раз в этом странном журнале...» (Марине)	63
«Не мне, как эхо, отзовёшься...» (Диане Балашовой-2)	161
«Не стыдись того, что сломлен...» (Вячеславу Гришечкину)	204
«Небо серое с прорехой предзакатного огня...» (Ирине)	167
«Неправда! Мы не те...» (Светлане Чернышовой)	89
«Ни того давно...» (Праздничное)	193
«Никого, ничего впереди.» (Каре)	203
«Ой ты гой еси, русофилочка, за столом сидишь, как побитая...» (Ой ты гой еси)	15
«Она сказала: «да пошёл ты!»»	199
«Она состоит из фальши...» (Москва)	65
«От повтора к повтору, зная всё наперед...»	58
«Отгрохотал XX век над городком несуетливым...» (Ностальгическое)	64
«Отделилась Малая, отделилась Белая...»	95
«Откуда в памяти – невесть...»	229
«По-другому жить бы надо, по уму!»	91
«Помнишь, умер тамагочи?»	37
«Поплутав по переходам, под гитарный перезвон...» (Вольные мысли)	140
«Поскольку горе не беда...»	93
«Почти ничего не осталось от той, что любила меня...» (Патриотический роман(с))	19
«Приснился сон: среди прочей мешанины...» (К славянам)	46
«Проходил сегодня мимо школы...» (Фломастер)	144
«Прощается с девочкой мальчик, она, если любит – поймёт.» (Курортный роман(с))	9
«Ряды кариатид меж столиками в зале...»	51
«С огоньком, но в дыму – безнадёжная...»	165
«С таким лицом, лучась...» (Елене)	235
«Светлоликим совершенством мне не стать в ряду икон...» (Забелдомцам)	126
«Снова – слышишь? – в поле звук...» (Лесополоса)	40
«Снова море колобродит...» (На прощанье)	100
«Собирался в Крыму умирать ...» (Вода)	11
«Спрашиваю маму: почему?..»	195

«Среди лая жучек и треморов...» (Провинциальный роман(с))	77
«Сретенка...» (Ко Дню народного единства)	148
«Стал похож на пидараса...»	170
«Степь, бесконечная, как смерть. живи в степи!»	35
«Страдал одним, а умер от другого...»	21
«Такой татарский нос и скулы...» (Диане Балашовой)	155
«Текла за дачей Истра, где мы ходили в лес...»	113
«То ли мысли, сойдя со своей колеи...»	168
«То яхонты, то аметисты сверкают и гаснут в волнах...» (Украинско-крымский роман(с))	56
«То, что было огнём, то теперь – ебатня...»	157
«Тот человек, что подобрал котёнка...»	30
«Труд есть труд – по всей земле...»	198
«Ты был одним из тех, кто вбил последний гвоздь...» (Вадиму Степанцову)	108
«Ты помнишь воздух тот краснознамённый?...» (Алексею Алешковскому)	111
«Тягостно бывает, невозможно жить...»	179
«У коровы есть гнездо...» (Пташечка)	114
«Уходят ребята в иные края...»	98
«Хочется плюнуть в море...» (Море)	33
«Хуй бы на этих злыдней...» (Море-2)	84
«Человек, уставший от искусства...» (Светлане Чернышовой)	183
«Чем больше толерантности в столице...» (Две строки)	145
«Что получаем в остатке неразделённой любви?»	39
«Чужие – толкуются в передней...»	36
«Чужую веру проповедую: у трёх вокзалов на ветру...» (На железной дороге)	44
«Чьи-то лица припомнятся...»	217
«Это было на выставке...»	79
«Это тело обтянуто платьем...» (1989 год)	54
«Я давно оторван от народа...»	230
«Я напишу тебе стихи...»	82
«Я не знаю что такое...» (Wunderwaffe – 1)	226
«Я помню, как идёт под пиво конопля...»	45
«Я пришел весенним полем...»	153
«Я умирал у неё на руках...»	188
«Я, как русский корабль...» (Живые и мёртвые)	196

Содержание

БАЛЛАДА	7
КУРОРТНЫЙ РОМАН(С)	9
ВОДА	11
ГОЛОС, СЛОВНО В ЦЕРКВИ, ПРОСВЕТЛЁННЫЙ, ...	12
А БЫЛ ЛИ МИР – КАК МАЙ И ТРУД?	14
ОЙ ТЫ ГОЙ ЕСИ	15
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ОКСАНЫ.....	16
ПАТРИОТИЧЕСКИЙ РОМАН(С).....	18
СТРАДАЛ ОДНИМ, А УМЕР ОТ ДРУГОГО	20
МОЖЕТ, ДЕЛА НЕТ ВАЖНЕЙ НА СВЕТЕ, ...	22
ЗАКАТ В КИММЕРИИ. НАД ГОРОДОМ ПЫЛЬ.....	24
КЛАДБИЩЕНСКАЯ ЭЛЕГИЯ	25
МОЙ КОТ НЕ ЗНАЕТ, ЧТО УМРЁТ.....	26
ЗАБОЛЕВ, Я ДУМАЛ О КОТЕ, –	28
ТОТ ЧЕЛОВЕК, ЧТО ПОДОБРАЛ КОТЁНКА, ...	29
ГОРИ ОНО ВСЕ СИНИМ П. КРУГАМИ ПО ВОДЕ.....	31
МОРЕ	32
СТЕПЬ, БЕСКОНЕЧНАЯ, КАК СМЕРТЬ. ЖИВИ В СТЕПИ!.....	34
ЧУЖИЕ – ТОЛКУТСЯ В ПЕРЕДНЕЙ, ...	35
ПОМНИШЬ, УМЕР ТАМАГОЧИ?	36
ЧТО ПОЛУЧАЕМ В ОСТАТКЕ НЕРАЗДЕЛЁННОЙ ЛЮБВИ? –	38
ЛЕСОПОЛОСА	39
НА ПЕШКОВ-СТРИТ (ТЕПЕРЬ ТВЕРСКАЯ), ...	41
НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ	43
Я ПОМНЮ, КАК ИДЁТ ПОД ПИВО КОНОПЛЯ.....	44
К СЛАВЯНАМ	45
БИБЛЕЙСКИЙ БЛИЦ.....	47
РЯДЫ КАРИАТИД МЕЖ СТОЛИКАМИ В ЗАЛЕ, ...	50
КОНТРАКУЛЬТУРНОЕ	52
1989 ГОД.....	53
УКРАИНСКО-КРЫМСКИЙ РОМАН(С)	55
ОТ ПОВТОРА К ПОВТОРУ, ЗНАЯ ВСЁ НАПЕРЕД.....	57

ЖИЗНЬ УШЛА НА ПОКОЙ ПОД ИЗВЕСТНЫМ УГЛОМ	59
МОСКОВСКИЙ РОМАН(С)	60
МАРИНЕ	62
НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ	63
МОСКВА	64
ГЕЛИЙ И ВОДОРОД. СОЛНЫШКО ДОГОРИТ	67
БЕЛЫЙ ДЕНЬ ЗАШТРИХОВАН ДО НЕРАЗЛИЧИМОСТИ ЧЕРТ.	69
ЗАБОРИСТЕЙ ВИНА БЫВАЕТ ТОЛЬКО – РЕЧЬ, ...	70
НА УЛИЦЕ АЛКАШ ОДЕТ НЕ ПО ПОГОДЕ.	71
ГДЕ ПОДРАЛИСЬ СКИНХЕД И ХАЧИК	72
ДОРОЖНОЕ	73
ВЕТЕР С МОРЯ. ОЗЕРО МОЙНАКИ –	74
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ РОМАН(С)	76
ЭТО БЫЛО НА ВЫСТАВКЕ	78
Я НАПИШУ ТЕБЕ СТИХИ	81
МОРЕ-2	83
СИБИРЯКАМ	86
ВСЕЭТОТ МИР ПОРНОГРАФИЧЕСКИЙ	87
СВЕТЛАНЕ ЧЕРНЫШОВОЙ	88
ПО-ДРУГОМУ ЖИТЬ БЫ НАДО, ПО УМУ!	90
ВЫПИЛИ 0,8	91
ПОСКОЛЬКУ ГОРЕ НЕ БЕДА, ...	92
ОТДЕЛИЛАСЬ МАЛАЯ, ОТДЕЛИЛАСЬ БЕЛАЯ, ...	94
ИДУТ ПО ВИП-ПЕРСОННОЙ –	95
УХОДЯТ РЕБЯТА В ИНЫЕ КРАЯ:	97
КОТОРЫЙ ГОД В ТЮРЬМЕ МОЕЙ ТЕМНО, ...	98
НА ПРОЩАНИЕ	99
ДАЧНОЕ	100
ИВАН ДА МАРЬЯ	102
КОГДА МЕНЯ НЕ СТАНЕТ НА ЗЕМЛЕ, ...	105
ВАДИМУ СТЕПАНЦОВУ	107
ЖИЗНЬ ПОЛНА ТОСКИ И МРАКА	108
АЛЕКСЕЮ АЛЕШКОВСКОМУ	110
ТЕКЛА ЗА ДАЧЕЙ ИСТРА, ГДЕ МЫ ХОДИЛИ В ЛЕС	112
ПТАШЕЧКА	113

КОГДА В СОЗНАНИИ ПОЛОГОМ	115
НА КУРКЕ ДЕРЖАЛИ ПАЛЕЦ –	116
ЕЙ ДАЛИ РОЛЬ ЗАНУДНУЮ – КАК БУДТО НА ПОЗОР, ...	117
КРЫМСКИЙ ТЕКСТ	119
ЕСЛИ ВСЁ ПРЕДРЕШЕНО, МЫ НЕ ВЫРАСТЕМ БОЛЬШИМИ;	124
ЗАБЕЛДОМЦАМ	125
О СТИХАХ	127
ЕХЕГИ MONUMENTUM	130
МАРКУ ШАТУНОВСКОМУ	132
ЛИТИНСТИТУТ. ПАРАДНЫЙ ВХОД.....	135
В ОБЛАКАХ, БЕЗ СОЛНЦА СНУЛЫХ, ...	137
ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ	139
КТО ТВЕРЁЗЫЙ, КТО НАБУХАННЫЙ, ...	141
ФЛОМАСТЕР	143
ДВЕ СТРОКИ	144
СОБАЧКА	145
КО ДНЮ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА	147
ЖИТЬ	149
ВСЁ Я КРЫМ ПРОШЁЛ-ИЗВЕДАЛ, ...	150
Я ПРИШЕЛ ВЕСЕННИМ ПОЛЕМ	152
ИАНАЕ БАЛАШОВАЙ	154
ТО, ЧТО БЫЛО ОГНЁМ, ТО ТЕПЕРЬ – ЕБАТНЯ.....	156
ПЕРЕДЕЛКИНО	158
ИАНАЕ БАЛАШОВАЙ-2	160
СТАНСЫ ДИАНАЕ	162
С ОГОНЬКОМ, НО В ДЫМУ – БЕЗНАДЕЖНАЯ, ...	164
ИРИНЕ	166
ТО ЛИ МЫСЛИ, СОЙДЯ СО СВОЕЙ КОЛЕИ, ...	167
СТАЛ ПОХОЖ НА ПИДАРАСА:.....	169
ВЕСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ.....	171
ЗАГУЛЯЛ	173
ГРУСТНЫЕ ЧАСТУШКИ О 90-Х	175
КАЖДЫЙ ПОЭТ –	177
ТЯГОСТНО БЫВАЕТ, НЕВОЗМОЖНО ЖИТЬ, ...	178
ВСЕ НАРОДЫ, КАК УРОДЫ! –.....	179

НАДОЕЛО НЫТЬ, ...	181
СВЕТЛАНЕ ЧЕРНЫШОВОЙ	182
КОГДА Я НАЧАЛ УМИРАТЬ? –	184
СТАНСЫ	185
Я УМИРАЛ У НЕЁ НА РУКАХ, ...	187
ЗАВОДИ	189
НАЧАЛО	191
ПРАЗДНИЧНОЕ	192
СПРАШИВАЮ МАМУ: ПОЧЕМУ? –	194
ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ	195
ТРУД ЕСТЬ ТРУД – ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ –	197
ОНА СКАЗАЛА: «ДА ПОШЁЛ ТЫ!»	198
МИР КАК БУДТО ОПУСТЕЛ.	199
НЕБОЛЬШАЯ ЭЛЕГИЯ СЕРГЕЮ ШНУРОВУ	200
КАРЕ	202
ВЯЧЕСЛАВУ ГРИШЕЧКИНУ	203
ПРИЧАЛ	205
ОТЕЦ И ДОЧЬ	208
КАКАЯ РАЗНИЦА, КАКАЯ ПОД НАМИ ВЕРТИТСЯ ЗЕМЛЯ?	211
СЛАВЕ ЦУКЕРМАНУ	212
АЛЕКСАНДРУ КАБАНОВУ	213
ЧЬИ-ТО ЛИЦА ПРИПОМНЯТСЯ, ...	216
ВСЕ РАВНО: ЧТО КРЕСТЫ, ЧТО ЛУБЯНКА, ЧТО ТАУЭР –	217
ГОМЕРИЧЕСКОЕ	218
ЭПИТАФИЯ	221
НАВЕРНОЕ, СТАРОСТЬ, ЧТО ВСПОМНИТЬ РЕШИЛ	222
WUNDERWAFFE – 1	225
ВЛАСТИТЕЛЬ ЗЕМЛИ СОБИРАЕТ –	226
ОТКУДА В ПАМЯТИ – НЕВЕСТЬ, ...	228
Я ДАВНО ОТОРВАН ОТ НАРОДА –	229
А ЧТО ТЫ, СОБСТВЕННО, ХОТЕЛА, КОГДА ПОКИНУЛА СИБИРЬ?	231
САШЕ ИВАШНЁВУ	232
ЕЛЕНЕ	234
БЕДНЫЕ ЛЮДИ	235
ПО ПЕРВОЙ СТРОКЕ	242

СЕРИЯ: 135 СТИХОТВОРЕНИЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «POEZIA.US» (Чикаго, США)

1. Бахыт Кенжеев. Музыка городского небытия, 2015 г.
2. Алексей Цветков. Жизни медленный строитель, 2016 г.
3. Михаил Синельников. К невидимой цели, 2023 г.
4. Михаил Рахунов. Негасимый свет вечерний, 2024 г.
5. Александр Кушнер. То, что мы должны вернуть
(Том 1 «Стихи XX века»), 2024 г.
6. Максим Жуков. Любить иных, 2025 г.

Международный
**ПОЭТИЧЕСКИЙ
ФОРУМ**

<https://poezia.us/allforums>

**Вы хотите получить 20 Ваших
книг в подарок?**

Издайте свою книгу у нас, и она будет
продаваться по всему миру!

Всего за \$649* ваша мечта будет исполнена
нами.

ISBN номер и номер регистрации библиотеки
Конгресса США будут получены по вашему
требованию.

Подробности по телефону:

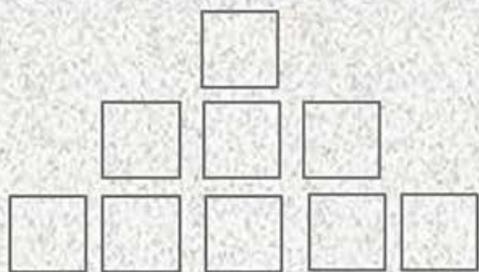
1-312-985-7638

WhatsApp: +1-847-915-1601

Email: service@poezia.us

Мы вне конкуренции!

*Цена пакета временная! Обычная цена \$699.

СЕРИЯ «135 СТИХОТВОРЕНИЙ»